

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Тасино горе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635985

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

«Судьба как-то недавно забросила меня в Райское, и я провела целое лето в семье Стогунцевых. Это прелестная, дружная, симпатичная семья. Умная, добрая Нина Владимировна и её милые дети произвели на меня глубокое впечатление. Но больше всех меня очаровала Тася. Это была прелестная девочка, самоотверженная, готовая отдать себя на служение другим, с кротким нравом и чуткой душой...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	30
Глава VII	37
Глава VIII	42
Глава IX	47
Глава X	55
Глава XI	63
Глава XII	67
Глава XIII	73
Глава XIV	81
Глава XV	89
Глава XVI	97
Глава XVII	106
Глава XVIII	117
Глава XIX	122
Глава XX	129
Глава XXI	136
Глава XXII	146
Глава XXIII	153

Глава XXIV	157
Глава XXV	160
Глава XXVI	169
Вместо заключения	176

Лидия Алексеевна Чарская

Тасино горе

Глава I

Почему сердятся на Тасю

Золотые лучи июльского солнышка заливают комнату своим ярким светом. Окно в сад раскрыто настежь, и в него тянутся колючие ветки шиповника, сплошь покрытые душистыми розовыми цветами.

Черноглазая девочка, подвижная и хорошенькая, но с капризно вытянутыми в гримасу губами и с сердито нахмуренными бровями, пишет, потешно прикусив кончик высунутого языка.

Пожилая гувернантка, низко наклонив голову над книгой и сощутив близорукие глаза, громко читает, отделяя каждое слово.

– «Послушание и покорность есть самое главное достоинство каждого ребенка», – диктует гувернантка и, оторвавшись на мгновение от книги, обращается к черноглазой девочке:

– После ребенка надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Девочка бурчит что-то себе под нос, потом быстро отбрасывает от себя перо и кричит чуть не в голос на всю классную:

– Я посадила кляксу, мадмуазель! Я посадила кляксу!

– Тише! – спокойно, но строго останавливает гувернантка, – не кричите же так, я не глухая. Приложите промокательную бумагу и пишите дальше.

– Я не хочу писать! – решительно заявляет девочка и резким движением отшвыривает тетрадь в сторону.

– Но вы должны заниматься, – чуть повышая голос, возражает Марья Васильевна (так зовут гувернантку). – Вы должны заниматься, Тася, – еще строже повторяет она, – ваша мама желает, чтобы вы делали диктовку ежедневно.

– Неправда! – горячится девочка, – мамаша добрая и не захочет мучить бедную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами! – И она готова расплакаться злыми, капризными слезами.

Потом, неожиданно придвинув к себе тетрадь и обмакнув перо, она сердито заговорила:

– Ну, да уж хорошо! Диктуйте! Я буду писать, раз вы требуете. Диктуйте, только поскорее!

И в тоже время черные глазки девочки весело и плутовато блеснули под длинными пушистыми ресницами.

– Так-то лучше, – произнесла, несколько смягчаясь в свою очередь, Марья Васильевна, – давно бы так.

И, поднеся к своим близоруким глазам книгу, она снова

принялась читать, отделяя по слогам каждое слово:

– «Послушный ребенок – это радость всех окружающих, – его все любят и стараются сделать ему как можно больше приятного»...

На минуту в классной воцарилась полнейшая тишина. Только мерно раздавался голос Марьи Васильевны да скрип пера, быстро бегающего по бумаге. Тася, склонив головку на бок, теперь старательно и усердно выводила что-то пером на страницах тетради.

– Ну, кончили вы, наконец, Тася? – через некоторый промежуток времени обратилась снова Марья Васильевна к своей воспитаннице.

– Кончила, мадмуазель! – с самым смиренным видом возразила та, протягивая тетрадь гувернантке.

Гувернантка по привычке приблизила тетрадь к самому лицу и в ту же минуту легкий крик негодования сорвался с её сердито поджатых губ.

Тася громко рассмеялась на всю классную. На странице тетради был довольно сносно нарисован брыкающийся теленок, под которым неумелым детским почерком было старательно выведено рукой Таси: «самый послушный ребенок в мире»... К довершению впечатления, под последним словом сидела огромная клякса, к которой изобретательная Тася приделала рожки, ноги и руки и получилось нечто похожее на те фигурки, которые называются «американскими жителями» и продаются на вербной неделе.

Тася была, казалось, в восторге от своей затеи. Она схватилась за бока и хохотала на всю комнату.

Но Марья Васильевна не смеялась. Она стала красная и в одну секунду вырвала злополучный рисунок из тетради. Потом, бросив на свою не в меру расходившуюся ученицу уничтожающий взгляд и высоко подняв руку с злополучным листком, она, помахивая им, как флагом, двинулась к двери.

– Прекрасно! Прекрасно! – произнесла она, чуть не задыхаясь от гнева, – чудесный сюрприз приготовили вы вашей мамаше ко дню её рождения!

И, еще раз взмахнув листком, она вышла из классной, сильно хлопнув за собой дверью.

Тася слышала, как вслед затем шелкнула задвижка, как повернулся ключ в замке, – и черноглазая девочка разом поняла, что она снова наказана.

Глава II

Виноватая

Золотое солнце по-прежнему ласково улыбалось с неба, заливая классную своими яркими лучами; по-прежнему розовый шиповник назойливо тянулся в окно и точно нашептывал что-то Тасе легким, чуть уловимым шелестом своих колючих ветвей.

Но девочке уже не было так весело, как прежде. Смех её оборвался, личико вытянулось и точно потемнело.

Мамино рождение!.. Приятный сюрприз!.. А она, Тася, совсем из головы выпустила, что сегодня день маминого рождения. Совсем даже и позабыла об этом и не подумала приготовить подарка милой мамусе. А Леночка и Павлик наверняка уже приготовили и будут гордиться этим перед ней, Тасей! Нет! Нет! Никогда! Ни за что! Она не оставит без подарка милую маму, которая одна только и умеет прощать все шалости и проделки своей любимицы.

Как могла она забыть о ней, о милой мамочке!

И черноглазая девочка, в знак своего негодования на саму себя, изо всех сил ударила по столу своим крошечным кулачком.

– Кар! Кар! Кар! – неожиданно послышалось над её головой в эту самую минуту.

Тася подняла глаза. Прямо перед окном на ветке старой липы, росшей у дома в простенке между двумя окнами классной комнаты, сидела небольшая черная птица, едва оперившаяся, с желтым клювом и смешными, круглыми, глупыми глазами.

Это был, очевидно, выпавший из гнезда птенец-вороненок, еще не умеющий летать. Он беспомощно помахивал своими крыльями, поминутно раскрывал желтый клюв и выпускал из него свое непонятное: Кар! Кар! Кар!

В одну секунду Тася забыла и про день рождения мамы, и про злополучный рисунок, и про гнев Марьи Васильевны.

Быстро вскочила она на стул, оттуда на стол, затем в один прыжок очутилась на окне и скоро её живая, юркая фигурка исчезла в зелени развесистой липы. В следующую же минуту карканье прекратилось, потом послышалось снова с удвоенной силой и желторотый птенчик забился в руках Таси.

Совершенно позабыв о том, что на ней надето любимое мамино платье из белого батиста с нарядной кружевной оборкой, Тася, с ловкостью белки перепрыгивая с сучка на сучок, уже готовилась слезать с дерева, под неистовое карканье обезумевшего от страха вороненка, как неожиданно нога её поскользнулась, ветка, на которую она опиралась, выскользнула из-под ступни девочки и Тася, перекувырнувшись в воздухе, вместе с ошалевшим с перепуга вороненком шлепнулась плашмя в только что политые грядки огурцов и редиски.

Глава III

Странный подарок

Мама в своем нарядном розовом капоте «с пчелками», то есть рисунками пчелок, разбросанными по нежному розовому фону, сидела за утренним чаем.

Марья Васильевна, вся красная от неудовольствия, старательно перетирает чашки, сидя за самоваром, и жаловалась на Тасю. Подле прибора мамы лежал злополучный рисунок, вырванный из учебной тетрадки. Лицо мамы было озабоченно и грустно.

Марья Васильевна говорила: Тася невозможна. Тася непослушна. Тася дерзка и шаловлива. Конечно, она, Марья Васильевна, очень привязана к семье и любит Нину Владимировну (Тасину маму зовут Ниной Владимировной). Но... кажется, она не в состоянии больше воспитывать Тасю. Да и вряд ли кто возьмется за это. Тася невозможна. Самое лучшее, если ее отдать куда-нибудь в учебное заведение. В ближайший город, например, где у двоюродного брата Марьи Васильевны есть пансион для благородных девиц. Девочки содержатся замечательно хорошо в этом пансионе: их там учат и воспитывают, исправляя от лени и дурного характера. Там и Тасю исправят и сделают человеком, по крайней мере, а домашнее воспитание для неё – погибель.

И, окончив эту длинную речь, Марья Васильевна испытующе взглянула в лицо мамы.

Мама тоже посмотрела на Марию Васильевну, потом по лицу её проскользнула печальная улыбка, и она сказала:

– Вы простите, дорогая m-lle Marie, но Тася – моя слабость. Она, вы знаете, единственная из моих троих детей, не знала отцовской ласки: муж умер, когда Тасе была всего неделя, вот почему мне так жалко было мою сиротку, и я старалась ее баловать и за отца, и за себя. Я понимаю, что Тася избалована, но я так люблю мою девочку, что не в силах теперь обращаться с нею строго и сурово.

– Вот потому-то я и советую отдать ее из дома, – вы слишком балуете Тасю, а в пансионе моего двоюродного брата с ней будут обращаться взыскательно, но справедливо. Это принесет ей только одну пользу, – проговорила недовольным голосом Марья Васильевна.

– Знаю, – покорно согласилась Нина Владимировна, – очень хорошо знаю... Но что поделаешь! Я слабая мать. Простите мне мою слабость, а заодно простите и Тасю. Сегодня день моего рождения и мне бы хотелось, чтобы девочка была счастливой в этот день.

– Как вам угодно, Ниша Владимировна! – произнесла Марья Васильевна недовольным голосом. – Я говорила это только потому, что от души желаю добра вам и Тасе.

– Вполне верю, моя дорогая, и даю вам слово с сегодняшнего дня следить за девочкой особенно строго. Если поведе-

ние Таси окажется неподдающимся исправлению, – что делать! Я отдам ее куда-нибудь...

И Нина Владимировна тяжело вздохнула.

В ту же минуту дверь на террасу, где они обе сидели за круглым столом, широко распахнулась и двое детей – мальчик и девочка – со всех ног кинулись к матери.

– Мамуся! Душечка наша! Поздравляем тебя! – в один голос кричали они, бросаясь обнимать и целовать Нину Владимировну.

Старшему из детей, Павлику, уже минуло четырнадцать лет. Это был плотный, коренастый мальчуган, в кадетской рубашке с красными погонами, в форменной фуражке, лихо сдвинутой на затылок. Его широкое, здоровое личико со смелыми, открытыми глазами было почти черно от загара и весь он дышал силой и здоровьем.

Сестра его, нежная, белокурая девочка, болезненная и хрупкая на взгляд, с худенькими ручонками и впалыми щеками, казалась много моложе своих одиннадцати лет. Леночка была очень слабого здоровья и постоянно ее лечили то от того, то от другого. Ради неё-то и проводила Нина Владимировна безвыездно зиму и лето в своем имении «Райском». Доктора единогласно запретили Леночке жить в городе и про город и его удовольствия дети знали лишь понаслышке.

«Райское» находилось в самой глуши России и до ближайшего города было около ста верст. Один Павлик воспитывался в Москве, в корпусе и приезжал к матери только на

каникулы.

Девочек Стогунцевых учила гувернантка, а сельский священник преподавал им Закон Божий. Сама Нина Владимировна, зная в совершенстве французский и немецкий языки, учила этим языкам дочерей.

Кроме Нины Владимировны, Марьи Васильевны и детей, в доме находилась вторая нянюшка, вышедшая саму хозяйку дома и теперь помогавшая Марье Васильевне присматривать за детьми.

Со смертью мужа, которого она очень любила, Нина Владимировна Стогунцева перенесла всю свою горячую привязанность на сирот-детей. Она души в них не чаяла, особенно в Тасе, которую вследствие этого избаловала себе на голову.

Но и Павлика с Леночкой она горячо любила.

При их появлении печальная улыбка разом сбежала с её лица, она крепко обняла обоих детей и притянула их к себе.

– Вот тебе мой маленький подарок, мамуся, – немного сконфуженно говорил Павлик, вытаскивая из-за спины что-то тщательно обернутое в бумагу.

Нина Владимировна с особенным вниманием развернула пакетик и увидела красиво переплетенную записную книжку, работы Павлика.

У Павлика были положительно золотые руки. За что он ни брался, все у него выходило споро и красиво. И трудолюбив он был, как муравей: то огород разведет, то коробочки клеит, то сено убирает на покосе или рыбу удит в пруду. И

эта, подаренная матери, им самим переплетенная, книжечка – одна прелесть.

Нина Владимировна несколько раз горячо поцеловала за нее своего славного сынишку и глаза её обратились к Леночке, которая, в свою очередь, подала матери искусно вышитый коврик к кровати.

Мама крепко обняла свою старшую девочку, всегда радовавшую ее послушанием и добрым, кротким нравом.

– А Тася что же? Или она уже поздравляла тебя, мамуся? – спросила Леночка, с недоумением оглядываясь во все стороны и ища сестру.

Но никто не успел ей ответить, потому что сама Тася появилась на пороге.

Но, Боже мой, в каком виде!

Легкий шепот испуга и изумления сорвался с губ присутствующих при виде девочки.

Нарядное белое платье с кружевными воланами было грязно до неузнаваемости. Целый кусок оборки волочился за ней в виде шлейфа. Волосы растрепаны. Лицо красно. На лбу огромная царапина и кончик носа замазан глиной или землей, как это умышленно делают клоуны в цирке.

– Мамочка! Милая! Дорогая! – кричала она с порога, – поздравляю тебя! Ты не бойся, мамуся... Это ничего. Я только упала с дерева... С липы, знаешь?.. Мне не больно, право же не больно, мамочка. А платье замоют... Я няню попрошу... Ну, право же, мне вовсе, ну, ни чуточки не больно!

– Прекрасное поведение! – сквозь зубы процедила Марья Васильевна в то время, как Нина Владимировна с тревогой взглядывалась в запачканное до неузнаваемости чумазое личико проказницы.

– Тася! Тася! Ну, можно ли так! – говорила она с тревогой в голосе и качая головой.

Но Тася точно обезумела. Она твердила только одно:

– Мне не больно, я не ушиблась! Да право же, – и покрывала поцелуями лицо, шею и руки матери.

– Ведь вы были наказаны! Как же вы осмелились выйти из комнаты? – строим голосом произнесла, обращаясь к девочке, Марья Васильевна.

– Да я и не думала выходить из комнаты, – бойко отрезала та, – а просто из окна вылезла на липу, а с липы сверзилась прямо в грядки. Не больно только.

– Тася! Тася! Что с тобою? Я не узнаю мою девочку! – произнесла укоризненно Нина Владимировна. – Сейчас же попроси прощения у Марьи Васильевны! – добавила она с непривычной строгостью в голосе.

– Мадмуазель, простите! – буркнула Тася, не глядя на гувернантку.

– Ваша мамаша добра, как ангел, а вы так огорчаете ее! – произнесла сурово та. – А подумали ли вы о вашей мамаше? Павлик и Леночка приготовили свои сюрпризы, а вы?

– Сюрпризы! Ах! – растерянно прошептала Тася и все лицо её запылало ярким румянцем смущения.

С минуту она стояла уничтоженная, печальная, с низко опущенной головой. Потом вдруг личико её засияло улыбкой, глаза блеснули и она с радостным смехом бросилась на шею матери.

– Душечка мамуся! – шепнула она, вся радостная и счастливая, – если б ты знала, как я люблю тебя! Я не умею клеить коробочек и переплетать книг, как Павлик, или вышивать коврики, как Леночка, но... Зато я отдам самое дорогое... Самое любимое, что у меня есть... Мне «он» так нравится, что я бы с ним никогда, никогда не рассталась, но тебе я его подарю... Потому что я тебя еще больше люблю, душечка мамаша!

С этими словами она быстрым движением опустила руку в карман, и в ту же секунду перед удивленной Ниной Владимировной, подле её чайного прибора, очутилось смешное желторотое и длинноклювое существо, с едва отросшими пушистыми крыльями.

Дружное «ох» вырвалось из груди присутствующих.

Нина Владимировна невольно отодвинула свой стул от стола. Марья Васильевна даже взвизгнула от неожиданности. Леночка кинулась под защиту Павлика, надеясь на его кадетскую храбрость. Словом – произошел необыкновенный переполох. Один Павлик храбро подступил к вороненку и кричал: «Кыш! Кыш!» – махая фуражкой.

А виновник суматохи, вороненок, страшно испугавшись всего этого шума и кутерьмы, совсем потерял голову. Он

недоумевал с минуту, потом неожиданно встрепенулся и с решительным видом заковылял по скатерти, опрокидывая по пути чашки и стаканы. Мимоходом попал в сухарницу, выскочил из неё, как ошпаренный, наскочил на лоток с хлебом и, в конце концов, очутился в крынке с молоком, уйдя в нее по самую шею.

Теперь из молока торчала только круглая головенка с желтым клювом, из которого вылетало поминутно неистовое: «Кар! Кар! Кар!»

Глаза несчастного птенчика стали еще круглее от ужаса, и он вращал ими во все стороны, исполненный страха.

– Он захлебнется! Он захлебнется! Спасите его! – кричала не своим голосом Тася и, не долго думая, запустив обе ручонки в крынку, извлекла оттуда своего приемыша.

Почувствовав себя на суше, вороненок разом пришел в себя. Он начал с того, что встряхнулся всем своим маленьким тельцем со слипшимися перышками, сквозь которые просвечивала кожа, и потом снова заковылял по столу.

Это было до того смешно и забавно, что Нина Владимировна не могла сдержаться от улыбки. За ней захохотал во все горло Павлик. За мальчиком засмеялась своим нежным, как свирель, голоском белокурая Леночка. И наконец сама Тася так и закатилась громким, здоровым, веселым хохотом. Даже Марья Васильевна усмехнулась при виде потешной походки облезлого, прилизанного от молока птенчика.

Нина Владимировна не могла сердиться на Тасю. Кап не

странен был подарок её младшей девочки – это был все-таки подарок и поднесен ею к тому же от души. Она нежно погладила по голове свою проказницу-дочурку и сказала ей на ушко своим добрым, ласковым голосом:

– Ты мне дашь слово, Тасенок, никогда не лазать по деревьям и вообще стараться удерживаться от шалостей и проказ. А вороненка твоего я беру охотно. Он такой смешной и забавный, а главное – он будет напоминать моей девочке о её падении с липы и этим, может быть, предостережет ее от новых проделок. А теперь, друзья мои, – обратилась мама уже ко всем детям, – сегодня вас ожидает много приятного. Ваши юные друзья, дети Извольцевы и Раевы, будут у вас в гостях, а вы примите их хорошенько и старайтесь быть добрыми хозяевами.

– Извольцевы приедут! Ура! – закричал на весь дом Павлик, подбрасывая вверх свою фуражку.

– И Тарочка! – вторила ему Тася.

– Ну, уж твоя Тарочка! Забияка! – уколол сестру мальчик.

– А твой Виктор – глупый! – рассердилась та.

– Тася! Тася! – остановила девочку Нина Владимировна.

– Да когда он первый, мамочка, – оправдывалась та.

– Идите переодеваться, слышите! – строго приказала Марья Васильевна Тасе.

Та хотела буркнуть что-то по своему обыкновению, но, встретив на себе печальный взгляд матери, удержалась на этот раз от грубой выходки.

– Не забудь же пластырь наклеить... Нельзя же с рваным лбом гостям показаться! – успел шепнуть сестре незаметно Павлик.

Тася вся вспыхнула как порох и рванулась было к брату. И снова печальный и добрый взгляд матери остановил ее.

Она потупилась и молча ушла с террасы.

Глава IV

Маленькие гости. – Ссора

Их было шестеро. Сначала подъехал высокий фаэтон-долгуша с детьми Извольцевыми и их пожилой гувернанткой-англичанкой мисс Мабель.

Старший из детей был маленький, весь завитый барашком, паж Викторик, от которого нестерпимо пахло духами, так как он перед отъездом вылил на себя целую банку резеды. Викторик говорил по-французски и не снимал с рук белых перчаток. Его сестры, Мери и Нини, были очень похожи на двух фарфоровых куколок, в своих пышных белых платьях с роскошными поясами и с туго завитыми по плечам локонами. С ними приехал их дальний родственник, хромой Алеша, круглый сирота, которого воспитывали в доме Извольцевых с самого раннего детства.

Вслед за чинными, выдержанными детьми Извольцевыми, поглядывавшими на всех с некоторым высокомерием, прикатили дети Раевы – брат и сестра, Тарочка и Митюша; она – пухлая, здоровая, румяная девочка – шалунья и хохотунья, любимая подруга Таси; он – толстый карапузик, большой забияка. С ними приехала и их молоденькая француженка-гувернантка, не менее веселая и жизнерадостная, нежели они.

– Вот потеха-то, – весело смеясь, еще на пороге крича-

ла Тарочка, – нас чуть из кабриолета Лука не вывернул. Он ударил Красавчика, а Красавчик понес... И экипаж на бок... Вот смеху-то было! М-ле кричит, Митюша бранится, а я хохочу, хохочу, хохочу!

– Ах, как страшно! – в один голос вскричали сестрицы Нини и Мери.

– Я не понимаю, что тут смешного, когда лошадь несет и экипаж на сторону, – пожимая с пренебрежением плечами, произнес Викторик, взбивая рукой свои туго завитые барашком волосы. – Если б наш кучер осмелился нас вывалить, я бы его проучил моим хлыстом.

– Во-первых, он не вывалил, а во-вторых, ты не смеешь драться! – вся вспыхнув, закричала на него запальчиво Тарочка.

– Не прилично говорить «ты» старшим. Я старше вас, – процедил сквозь зубы Викторик, награждая девочку негодующим взглядом.

– Ах, ты, фофан! – неожиданно расхохоталась Тася, и прежде, чем маленький паж успел опомниться, она подняла руку и в один миг испортила всю его великолепную прическу, смешав и спутав тщательно завитые волосы.

– Как ты смеешь, невоспитанная девчонка! – сердито крикнул маленький пажик, в то время как его сестры Нини и Мери дружно испустили короткий крик негодования и испуга.

– Ах, скажите пожалуйста, какая неженка! Велика важ-

ность – ему прическу смяли! – хохотала Тася во все горло, бойко поглядывая на остальных детей и как бы ища у них сочувствия.

– Девочка не должна так поступать. Эго стыдно, – произнесла по-английски незаметно подошедшая мисс Мабель.

Но Тася не понимала английского языка. Да если бы и понимала, то не обратила бы ни малейшего внимания на замечание гувернантки. Она была вполне счастлива, потому что Тарочка и Митюша – её закадычные друзья – хохотали во все горло над её проделкой, в то время как Павлик и Леночка старались успокоить разобиженного Викторика.

– Дети, обедать! Обедать скорее! – послышался в эту минуту голос Нины Владимировны из комнаты.

И вся толпа маленьких гостей, в сопровождении своих юных хозяев, двинулась в столовую.

Тася первая бросилась к столу, у которого хлопотала чистенькая симпатичная старушка в ослепительно белом чепце.

– Есть хочу! Есть! Есть! Есть! – кричала Тася на всю комнату.

– Да ты бы, Тасюшка, раньше гостей рассадил, – укоризненно покачала головой няня, мельком взглянув на свою воспитанницу.

– Не твое дело, молчи, нянька! – сердито буркнула себе под нос та.

– Вы невозможная девочка! – тихо, но внушительно про-

изнесла Марья Васильевна, наклоняясь к уху Тася.

– Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! – запела на разные голоса Тася, ужасно разевая рот и размахивая руками и ногами в такт песни. – Ай! Ай! Ай! – закричала она неожиданно, прерываясь, – мои любимые пирожки с капустой! Дайте мне первой! Первой мне, мне, мне, мне!

Мисс Мабель, строгая, чопорная англичанка, прекрасно воспитавшая детей Извольцевых, почти с ужасом смотрела на красную, крикливую девчонку, не умевшую вести себя за столом. Нини и Мери молча жалась друг к другу. Они даже как будто побаивались этой шумной, бойкой не в меру проказницы. А брат их только бросал на Тасю презрительные взгляды и молча пожимал плечами.

– Что ты смотришь так? Выпучил глаза и смотрит, как таракан! – накинулась на него проказница. – Что мне весело? Ужасно удивительно, право. Не могу же я сидеть, как глупая кукушка, и любоваться вами. Павлик говорит, что у них в корпусе кто живет и шаловливее – того и любят больше. А вот ты зато и не мальчик-кадет, а верченая кукла на пружинах, вот ты кто!

– Тася! Тася! – укоризненно шептала на ухо сестра Леночка. – Ведь эго наши гости!

Как раз в эту минуту Нина Владимировна вошла в столовую и Тася при виде матери вспомнила, что обещала ей вести себя прилично.

Она разом подтянулась и притихла, но ненадолго. Вскоре она совсем забыла свое обещание, громко кричала и хохотала на весь стол, задевала детей, проливала воду и, наконец, дошла до того, что, свернув салфетку, изо всех сил швырнула ее в лицо Викторика.

Салфетка попала как раз в тарелку с супом и разлетевшись во все стороны брызги залили и нарядный военный мундирчик маленького Извольцева, и прелестные платица сидевших по обе его стороны сестриц.

– Ловко! – прошептала, давась от смеха, Тарочка Раева на ухо Тае, шалости которой она очень одобряла.

– Молодец, Тася, – вторил сестре толстяк Митюша.

– Тася! – строго прикрикнула мама с другого конца стола.

– Нет, это уже слишком! – произнесла, густо краснея, Марья Васильевна и тотчас же добавила суровым тоном: – Вы останетесь без сладкого сегодня.

На сладкое была подана любимая Тасина земляника.

Все дети с удовольствием принялись за вкусное лакомство.

Тася делала вид, что она решительно равнодушна к спелым вкусным ягодам и преспокойно в это время катала по тарелке хлебные шарики, или под шумок представляла своей соседке Тарочке по очереди всех детей Извольцевых.

И Тарочка, и Тася так и покатывались со смеха.

Глава V

Птицелов. – Пажик с разбитым носом

– Давайте играть в кошки-мышки!

– Или в веревочку!

– Нет, в золотые ворота. Я хочу в золотые ворота!

– В кошки-мышки интереснее!

– Нет, нет, я хочу в золотые ворота! Или же в птицелова.

Да, да! В птицелова. И больше ни во что.

– Тася, уступи, пожалуйста! Ведь мы хозяйева! – робко заикнулась Леночка, незаметно дергая сестру.

– Ах, вот какие глупости! – хорохорилась Тася. – Я самая маленькая из детей, а старшие должны уступать маленьким. Хочу играть в птицелова, или вовсе не стану играть ни во что!

– Ну, и не играл! Вот еще, что выдумала! Без тебя еще веселее будет! – подергивая плечами, произнес Викторик. – Несносная девчонка! – добавил он тихо, сквозь зубы.

– Ах, не надо ссориться! Пожалуйста, не надо, – произнес хромой Алеша, ласково оглядывая круг детей своими добрыми голубыми глазами.

– Давайте играть в птицелова, если ей так хочется! – предложил в свою очередь Митюша.

– Давайте! Давайте! Это превесело! – подхватила Тарочка.

И игра началась.

Тася, уже раз настояв на своем, теперь заспорила снова. Она хотела быть хозяином лавки и выпускать птиц. Да, она или будет представлять хозяина птичника, или вовсе не станет играть. А Алеша пусть будет птицеловом. – Он так смешно перебирает ногами, когда бежит! – И говоря это, она громко расхохоталась, совершенно позабыв о том, что тот же Алеша первый уговорил детей поступить по желанию Таси.

Гувернантки сидели в стороне от детей, стараясь не мешать им в их играх, и Тася снова могла командовать и кричать сколько ей хотелось.

Алеша был очень добрый мальчик и хотя слова Таси и обидели его, он постарался не показать этого.

Нини, Мери, Викторик, Тарочка с Митюшей, Лена и Павлик назвались разными именами птиц.

Тася продавала их покупателю – птицелову Алеше, который называл птиц по очереди, и если среди названных была такая, какая находилась у хозяина-Таси, Тася получала деньги, т. е. ударяла рукой по ладони покупателя в то время, как купленная птица выбегала или, вернее, вылетала из дома и стрелой неслась по дорожке сада вокруг клумбы с цветами.

Птицелов, уплатив деньги, несся за ней во всю прыть и если ему удавалось поймать птицу, то она делалась птицеловом, он же занимал её место в лавке.

Тася очень ошиблась, предполагая, что хромой Алеша будет уступать детям в ловкости и быстроте бега. Алеша, несмотря на свои хромые ноги, бегал очень быстро, подпрыгивая козликом и ловко настигая играющих. Первым он поймал Викторика, который ради своего приезда в гости надел такие узкие сапоги, что едва мог в них двигаться. Сапоги немилосердно жали, и маленький франтик еле бежал по этому случаю.

– Теперь ты птицелов! Виктор птицелов! – кричал торжествуя Алеша, поймав наконец троюродного брата.

Викторик, морщась от боли, стал на место Алеша. Но ему долго не удавалось поймать никого. Одна только Тарочка, которая была очень полна и неуклюжа, уступала ему в скорости бега. Викторик погнался за Тарочкой. Но в ту минуту, когда он почти настигал девочку, Тася незаметно для других выставила вперед ногу. Викторик, не видя этого, прибавил шагу и теперь почти что настигал Тарочку, но в ту минуту, как он хотел схватить ее, он зацепил за выставленную ногу Таси и со всего размаха грохнулся на землю.

Тася захохотала. Остальные дети бросились к Викторику поднимать его. Пажик плакал, забыв о том, что он взрослый, и вытирал нос белыми перчатками, которые не захотел снять даже во время игры. На белой лайке злополучных перчаток теперь ярко выступили большие кровавые капли. Викторик, не выносивший вида крови, теперь заревел еще громче при виде этих пятен.

Мисс Мабель со всех ног побежала к нему. M-lle Lise и Марья Васильевна последовали за ней. Дети спорили и кричали, почему упал Викторик. Словом – суматоха получилась полная.

Мисс Мабель помогла подняться Виктору. Не без труда остановила кровь, фонтаном бившую из носа, и просила детей объяснить ей, каким образом случилось все это.

Дети молчали и только переглядывались в большом недоумении между собой. Одна только Тася насмешливо улыбалась. Она терпеть не могла Викторика и была очень довольна, что ей удалось насолить ему.

И вдруг неожиданно вперед выступил хромой Алеша и сказал, прямо глядя в лицо Таси:

– Я знаю, почему упал Виктор. Вот она, – он указал на младшую Стогунцеву, – подставила ему ножку. Никто не видел этого, я один заметил. Он споткнулся о ногу и упал... Нехорошо, стыдно! – добавил мальчик, обращаясь к Тасе, и добрые глаза его теперь смотрели строго, почти сердито.

Марья Васильевна испытующе взглянула на Тасю. Девочке невольно пришлось опустить глаза под этим пронизывающим взглядом.

– Вы будете наказаны. Ступайте за мной, – особенно ясно отчеканив каждое слово, проговорила гувернантка и, взяв Тасю за руку, повела ее к дому.

Глава VI

Земляника. – Снова хромой Алеша

Тася сидела в пустой гостиной и дулась. M-lle Marie привела ее сюда, посадила в кресло и, приказав сидеть так до её возвращения, вышла, оставив девочку одну. Тасе было нестерпимо скучно. Из сада до неё долетали голоса детей.

Дети прекратили игру и теперь о чем-то очень оживленно разговаривали.

– А я тебе говорю, что они не существуют, – громко доказывала Тарочка.

– А няня говорит, что они есть. И что у нас в пруду она их видела! – слабо опровергал ее голос Леночки.

– Твоя няня глупая деревенщина и больше ничего! – вмешался в разговор Митюша. – Мне девять лет только, а я отлично знаю, что русалок нет на свете! Папа говорит, что только невежественные люди утверждают, что они существуют.

– Ах, нет, неправда! – снова зазвенел серебристый голосок Леночки, – няня говорит, что даже видела одну из них. Она выплыла там, где растут лилии у нас на пруду, и пела что-то очень печальное и заунывное. У неё были распущенные волосы и белое платье. Это было очень, очень страшно, няня говорит... Она как увидела ее, то тотчас же стала чи-

тать молитву.

– Ну, она и пропала? – в один голос спросили дети.

– Пропала.

– Ах, вздор все это! Ну, хотите, я докажу вам, что все это вздор? – предложила Тарочка. – Попросим только Марию Васильевну покатать нас в лодке, когда стемнеет, с мисс Мабель и m-lle Lise. Теперь так хорошо по вечерам! Ночи лунные, светлые. M-lle Lise гребет отлично. Будет превесело, право! И кстати вы узнаете, что никаких русалок не бывает на свете.

– А как же Тася? – робко заикнулась Леночка.

– Ну, так что же Тася? – произнесла негодуящим голосом Тарочка. – Твоя Тася оказалась очень дурной девчонкой! И я ничуть не жалею, что она наказана. Я до сих пор считала ее доброй девочкой и только большой шалуньей и охотно дружила с ней, а теперь вижу, что она нехорошая, дурная. Подставить исподтишка ножку – это уже не шалость, а злость, она просто злючка, твоя Тася.

– А, так вот ты как! Хорошо же. Ты мне не друг после этого! – задыхаясь от злобы, прошептала Тася, которая слышала от слова до слова весь разговор в саду. – Хорошо же, Тарочка. Я тебе покажу себя! Ты еще пожалеешь, что так поступила со мной!

Тася тут же стала размышлять, как бы посильнее насолить своему недавнему другу.

Голоса детей смолкли в саду. Очевидно они ушли играть

в другое место. И Тася, еще более злая и надутая, нежели раньше, снова осталась одна. Ей было и досадно, и скучно. Особенно докучала ей одна мысль: Тарочка ее разлюбила и не хочет знать больше. И жгучая злоба, и какая-то ненависть по отношению к Тарочке грызли теперь озлобленное сердечко Таси.

Она долго думала, как бы побольнее досадить Тарочке. Вдруг одна мысль ярко блеснула в голове девочки.

Тарочка утверждает, что русалок нет и все ее слушают и верят ей; так она, Тася, во что бы то ни стало докажет им всем, что Тарочка ничего не знает, что она далеко не так умна, как это кажется, что Тарочка лгунья и что русалки есть...

Тася отлично знала, что все это вздор, и что самые маленькие дети не верят в существование русалок. Правда, простой народ думает, что они существуют – и русалки, и лешие, и всякая «нечистая сила», как называет их няня, которая верит в них... Но все это очень смешно!

«Ну, и пускай смешно! Пускай глупо», – решила Тася.

Дело не в том – смешно или нет, а в том, чтобы хорошенько напугать Тарочку и остальных за то, что они совсем забыли о наказанной Тасе и прекрасно себя чувствуют без неё.

Очевидно, эта мысль очень улыбалась девочке. Лицо её оживилось, глаза заблестели. Она даже запрыгала по комнате и захлопала в ладоши, совершенно позабыв о том, что мама прилегла отдохнуть после обеда.

К довершению счастья, на глаза торжествующей Таси по-

палась тарелка с земляникой, оставленная на рояле для ужина, – той самой земляники, которую не дали за обедом Тасе.

– Ага! Вот они где ее поставили, голубушку! – весело проговорила девочка, и тотчас же сердито нахмурилась снова. – Не думает ли эта злючка Марья Васильевна, что может безнаказанно распоряжаться мной. Думала наказать меня за обедом, лишив сладкого, а выходит – накажу всех я, потому что уж, конечно, поем теперь досыта земляники, а им не оставлю ни одной ягодки. Да!

И, говоря это, девочка быстро придвинула к себе тарелку и скоро от ягод не осталось и следа. Тася наскоро обтерла рот и отодвинула пустую тарелку в сторону, тщательно прикрыв ее салфеткой. Она хотела уже с самым беспечным видом отойти от рояля, как неожиданно за её спиной раздался укоризненный голос:

– Ай! Ай! Ай! Как нехорошо брать без спросу!

Девочка испуганно вскрикнула и оглянулась. Перед ней стоял хромой Алеша.

– Зачем ты пролез сюда? – грубо крикнула ему Тася.

– Я пришел звать вас кататься в лодке. Мы все поедem, когда сядет солнце. Ваша гувернантка позволила это, – произнес спокойно мальчик. – А вы зачем съели землянику? Ведь вам было это запрещено, – вдруг неожиданно заключил он.

– Не смей соваться не в свое дело! – резко оборвала мальчика Тася.

– Вы напрасно сердитесь на меня, – так же спокойно про-

изнес Алеша. – Дядя говорит, что тот, берет чужое...

– Да замолчишь ли ты, дрянной мальчишка! – выйдя из себя, закричала взбешенная Тася и кинулась на Алешу с поднятыми кулачками.

Алеша с криком отскочил от неё, уронил стул и с грохотом полетел на него.

– Что такое? Что случилось?

И перепуганная, и запыхавшаяся Марья Васильевна появилась на пороге.

В одну минуту она увидела и лежащего на полу Алешу, и стоявшую над ним со сжатыми кулаками Тасю, и пустую тарелку от земляники на рояле – и разом поняла все.

Она прежде всего помогла подняться мальчику, потом схватила Тасю за руку и, подведя ее к роялю, строго сказала, указывая на тарелку:

– Разумеется, землянику съели вы?

Тася стояла, потушив голову и упрямо молчала.

– Признавайтесь, землянику съели вы! – еще раз повторила гувернантка. Новое молчание.

– Ну, берегитесь, Тася! Мамаша узнает обо всем...

И она двинулась было к двери, как вдруг позади прозвучал нерешительный голосок:

– Извините, m-lle, землянику съел я!

И Алеша, весь красный от смущения, смотрел на Марью Васильевну кроткими, заискивающими глазами.

– Вы, Алеша? Не может быть, – удивилась та, зная его как

самого милого, честного и благонаправного мальчика.

Тася молчала. Ей было странно и приятно в то же время это внезапное самообвинение Алеши.

«Вот глупый мальчишка! Берет на себя чужую вину! – вихрем пронеслось в её мыслях. – Что же, тем лучше! Пускай! По крайней мере, это избавит меня от нового наказания», – беспечно решила девочка.

Но m-lle Marie, очевидно, не поверила словам Алеши.

– Ну, землянику, положим, скушали вы, за что я вас прощаю, потому что вы гость, хотя это и очень дурно, – произнесла она с усмешкой, – а кто же заставил вас закричать так громко и упасть на пол? Вот что меня немало интересует. Не думаете ли вы уверить меня, что сами ударили себя или что-нибудь в этом роде? Тут, разумеется, не обошлось без вмешательства Таси! Она толкнула вас и за это будет оставлена без катанья и вплоть до ночи просидит здесь одна... А вы ступайте к детям!

И, взяв Алешу за руку, Марья Васильевна вывела его из комнаты.

Тася снова осталась одна в гостиной. С минуту она стояла в нерешительности. Потом лукавая, недобрая усмешка проскользнула по её красивому личику и она осторожно, крадучись на цыпочках, прошмыгнула в детскую и плотно закрыла за собой дверь. Потом быстро опустила шторы на окнах и принялась за дело.

В следующей главе мы узнаем, за какое дело принялась Тася.

Глава VII

Русалка

Солнце село и на смену ему на небо выплыла полная круглая луна. В августе ночи наступают рано и немудрено поэтому, что в девятом часу вечера в усадьбе было темно. Только серебристые лучи месяца обливали своим бледным светом и зеленую рощу, и далекие нивы, и зеркальную поверхность пруда.

Большая, красивая лодка медленно скользила по поверхности. Кругом шелестела осока и какая-то ночная птичка пронзительно кричала в прибрежных кустах. На лодке царило веселое оживление. Дети болтали и смеялись, не умолкая. Марья Васильевна, Павлик и Тарочка сидели на веслах. Митюша и Алеша занимались тем, что ловили баграми белые цветы водяных лилии, в изобилии покрывавших весь пруд. Сорвав лилии, они со смехом бросали их на дно лодки, обдавая брызгами всех сидевших в ней. Только франтик Виктор да его две сестрицы были недовольны катаньем. Первый никак не мог забыть своего разбитого носа, на котором красовалась теперь огромная нашлепка пластыря, кроме того его щегольские лакированные ботинки не выносили сырости и могли испортиться, и это несказанно удручало мальчика. А Нини и Мери просто боялись кататься и пугливо жались друг

к другу.

– Ну, где же твои русалки? – со смехом спрашивала Тарочка Лену, которая, за неимением места, стояла на дне лодки, опираясь рукой на плечи брата, сидящего на веслах.

– Русалок нет, сама видишь, и няня твоя рассказывала тебе сказку, а ты и поверила ей, трусиха! – вторил сестре карапуз Митюша, – сама, небось, видишь!

– Вижу! – покорно согласилась Леночка.

– И в наказание за трусость ты должна нам спеть что-нибудь, – решительно заявила Тарочка. – Спой, Леночка, – ласково добавила она.

– Спой! Спой, Леночка! – подхватили остальные дети.

У одиннадцатилетней Леночки был чудесный голосок. Она знала много разных красивых песен, которым ее с любовью обучила Нина Владимировна, сама имевшая очень хороший голос.

– Спойте нам какой-нибудь романс! Я ужасно люблю слушать романсы! – неожиданно оживился Викторик, проговорив все это тоном взрослого молодого человека.

Дети громко расхохотались. Гувернантка также. Викторик обиделся и надулся.

– Что тут смешного, – процедил он сквозь зубы и в нос, очевидно подражая кому-то, – у каждого порядочного человека должен быть хороший вкус. И что я люблю слушать романсы, это доказывает только, что у меня хороший вкус. Меня очень удивляет, что вы этого не понимаете, – закончил он

обиженным тоном.

– Пойдите, я вам сейчас спою что-то! – решительно заявила Леночка.

Через минуту нежный, звучный, красивый детский голосок полился мелодичной волной над водами сонного пруда. Месяц снова выглянул из-за облака и залил целым потоком лучей маленькую стройную фигурку, стоявшую посреди лодки, делая Леночку при этом освещении похожей на какое-то фантастическое существо.

Леночка пела, вся залитая лунным сиянием, ту песенку, которой недавно ее научила мать. Дети разом притихли, очарованные и красивым мотивом, и прелестным голосом певицы.

Леночка пела:

Тихо дремлет ночь немая,
Месяц свет лучистый льет,
А русалка молодая
Косы чешет и поет:
«Мы живем на дне, глубоко
Под студеной волной,
И выходим из потока
Поздно, поздно в час ночной!
Там, где лилии сверкают
Изумрудом их стеблей,
Там русалки выплывают
В пляске радостной своей.

Тихо, тихо плещут воды,
Всюду сон, покой и тишь...
Мы заводим хороводы
Там, где шепчется камыш...
Там, где...»

Песня вдруг разом оборвалась и громкий, отчаянный вопль пронесся над прудом. Леночка, вдруг побледневшая, как мертвец, подняла руку и указывала ею на что-то.

Все разом, как по команде, повернули головы в ту сторону, куда указывала Леночка.

У берега, в том месте, где плакучая ива купала в пруду свои ветви, раздвинулись кусты осоки и небольшая белая фигура с распущенными волосами, очень похожая на те, что изображают русалок на картинках, появилась, вся облитая серебряным сиянием месяца.

– Русалка! – вырвалось одновременно из уст всех восьмерых детей.

И вдруг новый крик диким, пронзительным стоном повис над водой. Леночка, до сих пор стоявшая посреди лодки, зашаталась и без чувств грохнулась за борт, прямо в черную, холодную воду пруда.

В ту же секунду ответный крик прозвучал на берегу и вмиг белая русалка сорвала с себя покрывавшую ее одежду и из длинного со шлейфом одеяния выскользнула фигурка девочки в коротеньком платье, кричавшая во весь голос:

– Леночка утонула! Леночка утонула! Спасите Леночку, –

и Тася с плачем металась по берегу.

Глава VIII

Последствия злой шалости

Тася была напугана не менее тех, кто находился в лодке. Она видела, как зашаталась Леночка, как упала на борт и как потом перевернулось в воду её маленькое худенькое тельце. Этого Тася никак не ожидала. Леночка за всю свою коротенькую жизнь никогда ни с кем не ссорилась и всячески старалась выгораживать Тасю перед старшими. Она, Тася, хотела только напугать Тарочку, Викторика и этих неженюк-сестриц, но отнюдь не бедную Леночку. И вдруг все это так вышло. Пострадала Леночка. Одна бедная, милая Леночка. И Тася металась по берегу, громко крича и плача навзрыд.

– Спасите Леночку! Спасите! Спасите! – стонала она.

Между тем на лодке не дремала Марья Васильевна и успела вовремя выхватить багор из рук Алеши и зацепить им за платье упавшей в пруд девочки. Скоро на поверхности воды появилось сначала белое платье, потом худенькая ручка, а за ней и белокурая головка Леночки.

Мисс Мабель быстро перегнулась за борт и сильными руками вытащила из воды девочку.

Теперь следовало как можно скорее приплыть к берегу. Маленькие гребцы налегли на весла. Бесчувственную Леночку завернули в большую пелерину мисс Мабель и лодка

быстро заскользила по направлению к пристани. Лишь только она причалила к берегу, Тася первая бросилась к мосткам.

– Что с Леночкой, ради Бога, что с нею? – дергая то того, то другого за платье, кричала она, не переставая плакать.

Но никто даже внимания не обратил на тревогу девочки. Дети старались не смотреть на нее и точно умышленно отворачивались от Тази. Они справедливо считали ее виновницей несчастья.

Только Марья Васильевна сурово взглянула на девочку и произнесла глухо:

– Полюбуйтесь, что вы наделали. Вы убили вашу сестру.

Тася дико вскрикнула и закрыла лицо руками. Когда она открыла его снова, то ни Леночки, ни детей, ни гувернанток уже не было на пристани. Маленькая толпа двигалась по дороге к дому.

Тася с опущенной головой и сильно бьющимся сердцем последовала позади всех. Она видела, как выбежала на террасу мама, как она с легкостью девочки спрыгнула с крыльца и, подбежав к Марье Васильевне, несшей Леночку, выхватила из её рук девочку и, громко рыдая, понесла ее в дом. В один миг появились простыней. Мама свернула одну из них на подобие гамака, положила в нее безжизненную Леночку и при помощи трех гувернанток стала качать ее изо всех сил в обе стороны.

– Это чтобы воду изнутри выгнать у неё, голубушки, – пояснила появившаяся на шум няня.

Старушка вся дрожала от страха за свою питомицу и крупные слезы текли по её морщинистым щекам. Леночка была любимицей няни.

Тася видела из своего угла, как сосредоточены и суровы были лица у взрослых, как недоумевающее испуганы у детей, столпившихся в кучу, точно стадо на смерть испуганных барашков.

И вдруг какой-то слабый звук, не то рыданье, не то стон, послышался под простыней и тотчас же целая струя воды хлынула из ушей, носа и горла Леночки. В ту же минуту мертвенно-бледные щеки больной зажглись чуть заметным румянцем и Леночка открыла глаза.

– Жива! Слава Тебе, Господи! – вскричала радостным, счастливым голосом Нина Владимировна. – Теперь доктора, доктора скорее! Ради Бога, пошлите за доктором, – рыдала она.

– Дитя вне опасности! – подтвердила мисс Мабель и помогла Марье Васильевне и хозяйке дома перенести Леночку в спальню Стогунцевой.

Тася медленно последовала за ними и незаметно приютилась в ногах постели.

Когда мисс Мабель вышла снова к детям, она велела им собираться как можно скорее домой, потому что больной Леночке был необходим полный покой и тишина. Дети Извольцевы бесшумно оделись и сели в экипаж; Раевы последовали их примеру. С ними вместе уехал и Павлик, посланный

вместе с конюхом Андроном верхом за ближайшим врачом.

Леночка по-прежнему неподвижно лежала на маминой постели, бледная и осунувшаяся, похожая скорее на какой-то хрупкий нежный цветок, чем на живую маленькую девочку.

Марья Васильевна вышла на кухню готовить горячее питье для больной, и мама теперь осталась одна у постели девочки.

Тася только и ждала, казалось, этой минуты. Она быстро подошла к матери и, с трудом сдерживая слезы, прошептала:

– Мамочка, прости... Прости, мамочка! Я не хотела. Ей Богу не хотела... Я думала напугать Тарочку. Я пошутила только, и вдруг Лена – бух! Ах, Господи! Никогда не буду! Если б я знала. Я дурная, гадкая... Я Виктору нос разбила... Я Алешу побить хотела... Я землянику съела... Все я, я, я!.. Только Леночку я не хотела! Право! Я русалкой нарядилась не для неё... А вышло, что она из-за меня чуть не утонула...

Тася захлебывалась слезами. Сначала она говорила тихо, а потом все громче и громче. Потом для большей убедительности стала кричать на всю комнату.

Леночка испуганно вздрогнула, забилась и заметалась в постели.

– Русалка! Русалка! – в ужасе расширяя неестественно горящие глаза шептала она, задыхаясь.

Мама бросилась к ней, обвила руками её белокурую головку и стала нашептывать ей на ушко:

– Успокойся, мое золото, успокойся, моя радость. С тобой

твоя мама! Ленушечка моя!

И как только девочка стихла под влиянием ласкового шепота, Нина Владимировна снова села на прежнее место и, сухо взглянув на Тасю, произнесла таким строгим, холодным тоном, каким еще никогда не говорила с ней:

– Уйди. Я не хочу тебя видеть до тех пор, пока ты не исправишься. Твоя злая выходка чуть не стоила жизни сестре. Ступай. Я не хочу тебя видеть, недобрая, нехорошая девочка! Марья Васильевна была права – тебя надо отдать в строгие руки, пока ты окончательно не испортилась дома.

Тася взглянула на маму, как бы спрашивая, не шутит ли она? Но нет. Лицо мамы строго, почти гневно. Таким она никогда его не видела.

Что же это? Или она разлюбила Тасю?

Девочка, однако, не смела ослушаться и, низко опустив голову, тихо поплелась из маминой спальни.

Глава IX

Неожиданная новость. – Отъезд

Доктор только что уехал. Из своего любимого уголка – небольшой беседки из дикого винограда, находившейся в дальнем конце цветника – Тася видела, как ему подали тройку, и мама проводила его до крыльца.

Вот уже три недели, как больна Лена. Серьезно больна. После её злополучного падения в пруд у неё сделалась нервная горячка, и она была на волоске от смерти. Тася все это время проводила одна. Все были заняты больной. Только по утрам Марья Васильевна давала уроки девочке и, окончив их, спешила в спальню – помогать Нине Владимировне ухаживать за больной.

Сегодня третий день, что Лене лучше. Она уже разумно отвечает на вопросы и вчера выпила целую чашку бульону. Няня сказала об этом Тасе и не удержалась, чтобы не прибавить:

– Вот, что ты наделала, сударыня, – и не стыдно тебе!

Тася показала язык няньке, в знак того, что ей не стыдно, и, подпрыгивая, побежала в сад.

Теперь, когда опасность миновала и Леночка через неделю-другую поправится и встанет с постели, Тася сразу успокоилась и даже как бы почувствовала себя обиженной всеми.

– Лена выздоровеет, – говорила мысленно девочка, – все прошло – и страхи, и волнения. Почему же все недовольны мной, не разговаривают со мной и почти не смотрят на меня? Ну, пусть эта гадкая Маришка (так называла Тася Марью Васильевну), пусть эта выжившая из ума нянька и задиря Павлик, ну, а мама? Неужели же мама все еще сердится на Тасю? Или разлюбила Тасю? За что? Или Тасю никто никогда не любил, – продолжала размышлять девочка, – и если бы утонула Тася, никто бы не ухаживал за ней, никто бы не сидел у её постельки? И Тася умерла бы одна в своей комнате, позабытая всеми... Бедная Тася! Бедная Тася!

И Тася, упав на мягкий дерн, составлявший пол беседки, залилась горькими слезами. Она считала себя несчастной жертвой, обиженной всеми, совершенно забывая о том, как она постоянно мучила и обижала других.

Наплакавшись вволю, она медленно подняла отягощенную от слез голову – и вдруг легкий крик неожиданно вырвался из её груди. Около неё стоял высокий, очень худощавый господин в модном пальто и шляпе, опираясь на трость с дорогим набалдашником.

– Здравствуйте, милая барышня! – произнес незнакомец с любезной улыбкой.

– Зачем вы здесь и что вам надо? – вместо всякого ответа грубо отрезала девочка.

– О, мне надо весьма немногого! – так же любезно и ничуть, по-видимому, не обижаясь грубостью Таси, произнес

высокий господин. – Я пришел познакомиться с одной маленькой барышней, Тасей Стогунцевой. Надеюсь, я не ошибся: Тася – это вы?

– Надеюсь, вы не ошиблись: Тася – это я! – передразнивая длинного господина произнесла девочка.

Ее уже начинало забавлять это новое знакомство и так и тянуло выкинуть одну из своих шаловливых выходок. Не отдавая себе отчета в том, хорошо она делает или нет, Тася быстро окинула бойкими, шаловливыми глазами фигуру незнакомца и спросила, едва удерживаясь от смеха:

– Отчего вы такой худой? Можно подумать, что вы привыкли обедать только по воскресеньям.

Высокий господин рассмеялся. Он хохотал так громко и притом так сгибал в три погибели свою сухую, длинную, как жердь, фигуру, что Тася начинала опасаться, как бы он не переломился пополам.

Наконец, незнакомец с трудом удержался от обуявшего его смеха и снова заговорил, обращаясь к девочке:

– Итак, вас зовут Тасей, а меня – Орликом. Господин Орлик – содержатель пансиона для благородных девиц. Моя кузина Marie писала мне по приказанию вашей мамы, чтобы я приехал сюда за вами и увез вас в мой пансион.

– Как? Что такое?

Глаза у Таси расширились от изумления.

– Меня в пансион? Меня? Но вы ошиблись! Уверяю вас, вы не туда попали, – произнесла Тася дрожащим голосом, –

уверяю вас!

– О, нет, милая барышня! Я не ошибся! Я уже успел побывать в доме, повидать вашу мамашу и кузину Marie, и они указали мне, где я могу найти вас, чтобы познакомиться с вами.

– Так вот оно что! – произнесла злым голосом Тася и вдруг залилась громкими, неистовыми слезами.

В припадке неудержимого злого отчаяния она кинулась на пол, била ногами и руками землю и кричала громко и отчаянно на весь сад:

– Не хочу в пансион! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Гадкий пансион! Гадкий! Гадкий! Гадкий! Я умру там, непременно умру от тоски и горя. Мамаша, милая мамаша, не отдавайте в пансион Тасю! Гадкий, мерзкий пансион! Я его ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Господин Орлик с терпением выслушивал все эти стоны и крики и только смотрел на бившуюся в припадке злого, капризного отчаяния маленькую девочку спокойным, пронизательным взглядом. Видя, что никто не спешит из дома на её крики, Тася стала успокаиваться мало-помалу и вскоре окончательно притихла. Изредка всхлипывая и вздыхая, она уставилась в лицо господина Орлика злыми, враждебными глазами.

– Ну вот, и отлично. Покричали – и довольно. Пользы от криков мало! – спокойно произнес директор пансиона. – А теперь, как подобает умной барышне, собирайтесь-ка в путь-

дорогу, так как мне сегодня же надо выехать обратно.

– Я не поеду! – упрямо говорила Тася.

– Ну, этого быть не может, – также спокойно возразил директор, – не было еще случая, чтобы господин Орлик исполнил то, что желают маленькие барышни, а всегда маленькие барышни делают то, чего пожелает господин Орлик.

И глаза его при этом смотрели с такой решительностью на Тасю, что она не могла сомневаться в истине его слов.

– Да неужели же мама хочет, чтобы я уехала? – с тоской воскликнула девочка.

– Ваша мамаша желает одного, чтобы вы исправились и стали милой, послушной барышней, а дома ваше исправление немислимо. Вы не желаете никому повиноваться, как мне писала моя кузина Marie.

– Ваша Marie – лгунья! Я ее ненавижу, – вскричала запальчиво Тася и вдруг с новым порывом злости добавила: – а если так, и если они хотят от меня избавиться, то я не хочу оставаться с ними больше. Увезите меня, господин Орлик, увезите!

И она решительно зашагала к дому. На террасе ее встретила мама.

– Ты уже знаешь про твой отъезд, – проговорила она, строго глядя в глаза Таси недовольными глазами. – После обеда вы едете. Няня собирает твои вещи. Если желаешь проститься с Леночкой, можешь пойти к ней. Она теперь не спит.

– Я не хочу ни с кем прощаться, – процедила сквозь зубы

Тася.

– Тем хуже для тебя, – сухо возразила мама, и попросила нянюшку поторопиться с обедом.

Обед прошел скучно и натянуто. Один только господин Орлик оживлял его немного своими рассказами о пансионе, удивляя всех присутствующих необычайно большим аппетитом. Господин Орлик ел ужасно много. Куски исчезали с поразительной быстротой во рту директора.

Тася не прикасалась ни к чему. Она сидела надутая, злая и недовольная всем и всеми.

«Не хотят меня – и не надо. И уеду, и уеду, и уеду!» – мысленно с ожесточением твердила девочка.

К концу обеда к крыльцу подали лошадей. Господин Орлик поблагодарил хозяйку и сказал, что пора ехать.

Няня принесла шляпу и пальто Тасе.

– Христос с тобой, матушка! Поживешь среди чужих-то, так и свое дороже покажется, – сказала она, крестя свою питомицу дрожащей старческой рукой. – Мамашу, смотри, радуй ученьем да поведением хорошим, да и меня, старуху, заодно!

Тася равнодушно подставила щеку няне и, кивнув мимоходом Марье Васильевне и Павлику, подошла к матери.

– Прощай, – произнесла мама, и Тасе показалось миг, что она слышит прежние мягкие и ласковые нотки в голосе матери, – прощай, моя девочка, – снова ласково проговорила Нина Владимировна, обнимая Тасю, – старайся вести се-

бя хорошенько и хорошо учиться. Надеюсь, последний твой поступок послужит тебе хорошим уроком, и ты научишься, вдали от нас, быть послушным и милым ребенком, научишься ценить нас всех. Помни, я буду знать твой каждый шаг и лишь только узнаю, что ты стала чуточку лучше, я возьму тебя снова домой. Не думай, что я люблю тебя меньше, Тася, – нет! Я знаю, что тебя может исправить только чужая обстановка, и с болью в сердце поступаю так...

Голос мамы дрогнул. Она сняла с груди маленький эмалевый крестик и, перекрестив им Тасю, надела его на шею девочки. Потом крепко обняла ее и несколько раз поцеловала надутое, сердитое личико.

Но Тасю не смягчила эта нежная ласка матери. Она по-прежнему считала себя правой и незаслуженно обиженной всеми. На прощальное приветствие m-lle Marie она умышленно не обратила внимания и поспешила сбежать с крыльца и усесться в коляску.

– Тася! Милая Тася! – послышался позади неё слабый, нежный голосок.

Девочка живо обернулась и увидела больную Леночку на руках няни, поддерживаемую Павликом. Личико больной было худо и бледно, до неузнаваемости, худенькие ручонки висели, как плети. Огромные глаза живо устремились вслед за сестрой.

– Ничего не поделаешь, матушка-барыня, – оправдывалась няня на замечание Нины Владимировны зачем вынесли

больную. – «Хочу, говорит, видеть Тасю! Неси меня к ней!»

Что-то дрогнуло в озлобленном сердечке маленькой проказницы. Она быстро выскочила из экипажа и подбежала к сестре.

– Леночка! Прости, милая! Я не хотела тогда тебя... – прорыдала она, крепко обнимая больную.

По лицу старшей сестры текли крупные слезы.

– Тася, голубушка, милая! Я не сержусь на тебя! Право, не сержусь, родная. – И она протягивала к сестре свои исхудалые ручонки и большие кроткие глаза её сияли неизъяснимой любовью и лаской.

Няня поторопилась унести больную.

Тася тихо плакала. Теперь она не чувствовала ни озлобления, ни гнева. Вид исхудалой, измученной Леночки, которую она не видела после печального происшествия, теперь лучше всяких слов доказал ей, как она виновата. Но Тася была слишком избалована и горда, чтобы показать другим свое раскаяние. Она молча, хмуря брови и кусая губы, поцеловала руку матери, обняла наскоро брата и села в коляску, стараясь не обнаружить своего волнения.

Господин Орлик сел подле девочки. Лошади тронулись, и Тася Стогунцева выехала со двора родного дома.

Глава X

Новенькая

На больших столовых часах пробило половина второго – и девочки, воспитанницы пансиона господин Орлика, поднялись как по команде из-за стола, вокруг которого оканчивали свой завтрак.

Их было человек двенадцать, приблизительно возраста от восьми до четырнадцати лет. Старшая из девочек, Маргарита Вронская, прочла вслух послеобеденную молитву и высокая, худая дама в черном, довольно поношенном платье – m-lle Орлик, сестра и помощница господин Орлика – произнесла своим резким голосом:

– Даю вам полчаса отдыха. Скоро придет немецкий учитель, а пока можете поиграть в зале.

И отпустив величественным жестом детей, она незаметно исчезла из столовой.

– Ну, уж и скука! – произнесла высокая, тоненькая девочка, очень красивая блондинка с длинными, туго заплетенными косами. – Знала бы я, как живут в этом противном пансионе, ни за что не поступила бы сюда.

– Да, да, и я тоже!

– И потом, что за обед нам дают! Бобы, бобы и бобы. Каша, каша и каша! Или кисель... Что может быть против-

нее киселя? Графиня Стэлла права. Здесь жить решительно невозможно! – возмущалась толстененькая розовая девочка лет десяти.

– И почему так рано нам велели съехаться?

– Еще только десятое сентября, а у нас уже начались классы, – возмущалась черненькая, как жучок, толстушка.

– Девочки, кто взял мой мячик? Отдайте мне мой мячик! – кричала прелестная девчурка, которой на вид было лет шесть и которую все без исключения любили в пансионе и баловали напропалую.

– Кто взял мячик малютки? – повысив голос на всю залу закричала некрасивая, но бойкая девочка, Фимочка Ярош или Ярышка, как ее называли в пансионе.

– Хоть бы что-нибудь случилось, что ли! Хоть бы пожар или крыша свалилась! – тянула белокурая красавица недовольным голосом, – все-таки происшествие в нашей скучной жизни.

– Графине Стэлле скучно, потому что ей нечего делать! – выскочила вперед смуглая черноволосая девочка, похожая на цыганку, с большим горбом за плечами. – Графиня Стэлла – лентяйка!

– Молчи! Как смеешь ты говорить дерзости мне! – произнесла красавица с белокурыми косами.

– А, ваша светлость, простите великодушно! Я хотела только сказать, что ваша светлость не находит подходящего для своего графского достоинства дела! – кривлялась и ду-

рачилась горбунья.

– Молчать! – еще раз прикрикнула та, которую звали графией Стэллой, хотя она была вовсе не графией, а простой Степанидой Ивановой, а прозвали ее так в насмешку – за её чванство и гордый нрав.

Неизвестно чем бы кончилась эта ссора, если бы в комнату не влетела надзирательница, которую звали Настасьей Аполлоновной и которую пансионерки прозвали Совой – за её огромные выпученные круглые глаза, очень похожие на глаза этой птицы.

– Дети, не шумите! Директор приехал! – прокричала она испуганным голосом.

– Сова – хищная птица! – раздалось в одном углу залы бойкий, веселым выкриком.

– Она не спит по ночам, – вторил другой голос из другого угла комнаты.

– И ест всякую падаль, – подвизгивал чей-то тоненький детский голосок.

– В роде пансионерского жаркого! – выкрикнула новая шалунья.

И все одиннадцать пансионеров разразились громким смехом.

– Что такое? Что такое? – недоумевала надзирательница, не зная, что все эти злые выходки относились к ней.

– Настасья Аполлоновна, – подскочила к ней Ярышка, глядя прямо в глаза своей наставнице, – а вы любите сов? – и

тотчас же добавила залпом: – а я их терпеть не могу: глупая и безобразная птица.

– И я! – вторила ей горбунья.

– И я! И я! – кричали со всех сторон девочки.

– Тише! – стараясь заглушить голоса детей прикрикнула

Настасья Аполлоновна, – сию минуту тише! Или я пожалуюсь господину Орлику.

Это была не шуточная угроза. Господина Орлика боялись даже самые бесстрашные из пансионерок. Всегда изысканно вежливый, он никогда не бранил девочек, но зато относительно наказаний был неумолимо строг и наказывал вверенных ему воспитанниц за малейший проступок.

Девочки, после этой угрозы, сразу присмирели и вовремя, потому что в эту минуту дверь распахнулась и в зал вошел знакомый уже читателю высокий, худой господин, ведя за руку маленькую девочку, в которой не трудно было узнать проказницу Тасю.

Пансионерки сделали низкий реверанс директору и во все глаза смотрели на новенькую.

– Барышни! – произнес господин Орлик, – я привел вам новую товарку, m-lle Татьяну Стогунцеву. Прошу любить и жаловать. Маргарита Вронская, вы, как самая старшая из девочек, возьмите новенькую под свое покровительство. Надеюсь, вы поможете приучить ее к нашим требованиям и порядкам. А теперь я пойду уснуть с дороги, а вы познакомьтесь с вашей новой подругой, барышни, и расскажите ей все,

что требуется от вас в пансионе.

Едва только успел окончить эту небольшую, но весьма внушительную речь директор, как позади толпы девочек послышался звонкий голос, выкрикнувший особенно задорно:

– Спокойной ночи!

Господин Орлик с минуту оглядывал весь круг девочек, перебегая взглядом с одного лица на другое, и вдруг поднял руку, указывая ею на одну из пансионеров.

– М-lle Васильева, – произнес он со своим обычным спокойствием, – вы пожелали мне спокойной ночи в два часа дня при полном блеске солнца. Так как вы не в меру любезны сегодня и несвоевременно высказываете ваши пожелания, то уж будьте любезны до конца и потрудитесь покараулить меня у дверей моей комнаты и проследить, чтобы эти девицы не шумели и дали мне хорошенько отдохнуть с дороги!

Произнеся это, господин Орлик удалился, мягко ступая по паркету своими бесшумными подошвами.

Васильева или «Котошка», как ее называли подруги, даже в лице изменилась от слов господин Орлика. Она знала, что директор проспит очень долго и что ей придется часа три или четыре пробыть на часах у его дверей. Это было нелегкое наказание – стоять на часах, когда другие девочки бегали и играли в зале.

Бедная Котошка не посмела послушаться своего начальника и молча последовала за ним, низко наклонив свою повинную голову.

Лишь только шаги господина Орлика затихли в отдалении, вся толпа девочек разом засуетилась, зашумела и со всех сторон обступила Тасю.

– Вы издалека приехали? – кричала одна.

– А вы не сирота? – вторила ей другая.

– У вас есть мама? – перекрикивала четвертая.

– А братья?

– А сестры?

– А вы пшениную кашу с тыквой любите?

– У нас без неё дня прожить не могут, без этой глупой каши.

– Что ж вы молчите?

– Или вы немая?.. Она немая, господа, – громче всех кричала Ярош, влезая на стул подле Таси и в одну минуту срывая шляпу с головы новенькой.

Тася, смутившаяся было в первую минуту от присутствия стольких девочек, теперь разом пришла в себя, рассерженная этой внезапной выходкой Фимочки.

– И совсем я не немая! – сердито бросила она, зло поблескивая на девочек своими черными глазками. – Оставь мою шляпу! – окончательно рассердившись прикрикнула она на Фимочку.

– На, возьми! Разве я тебе мешаю, – со смехом проговорила та и поднесла шляпу к самому лицу Таси.

Но лишь только девочка собралась взять ее, как шляпа моментально исчезла и очутилась на голове Ярошки. Неко-

которые из пансионерок залились веселым смехом и шумно одобряли ловкость Ярош.

Тася вскипела и, не долго думая, подскочила кверху, стараясь уцепиться рукой за шляпу. Она была вся красная от злости. Глаза её блестели, как у дикого волчонка.

– Отдай шляпу! – кричала она вне себя, стараясь стащить Ярош со стула.

И вдруг ей удалось дотянуться до шляпы, и она изо всех сил рванула ее с головы шалуни. Шляпа очутилась в руках Таси, но заодно с ней очутился и целый клочок волос с головы Ярышки, нечаянно захваченный вместе со шляпой. Ярош вскрикнула от боли и обиды.

– Злючка! Злючка! – кричала она вся багровая от волнения.

– Злючка! Злючка! – вторили ей остальные девочки.

– Драчунья! Она драчунья, не правда ли, девочки? – стояла Ярош.

– Да! Разумеется, драчунья! Злюка! Злюка! Драчунья! – подхватили все.

– Вот, подожди, мы проучим тебя! – кричала Ярош, грозя Тасе пальцем.

Вместо ответа Тася сердито тряхнула головой и, прежде чем кто-либо из девочек мог предвидеть это, изо всей силы толкнула стул, на котором стояла Ярош.

Стул зашатался и упал, а с ним вместе полетела на пол и злополучная Ярышка.

– Ах! так вот ты какая! Таки вот она какая, девочки! – кричали взбешенные пансионерки.

– Нет, нет, этого нельзя так оставить! Вон бедняжка Ярышечка плачет от боли... Зовите сюда директора, господина Орлика, зовите! Пусть он построже накажет эту зверюшку! – надрывалась смугленькая горбунья, и черные глаза её горели гневом.

Но господин Орлика звать не пришлось. Он сам вышел на шум из своей спальни и, не найдя надзирательницы в зале, обратился к Маргарите, как к самой старшей, прося ее объяснить в чем дело.

– Так вот оно что, – произнес он строго, выслушав юную пансионерку. – Я ошибся, думая, что одним переселением из родительского дома в пансион мог уже повлиять на дурной характер Стогунцевой. Оказывается, барышне нужны более крутые меры. Извольте, сударыня, следовать за мной, – своим обычным вежливым тоном обратился он к Тасе.

Сердечко Таси екнуло. Она не осмелилась, однако, послушаться строгого директора и покорно последовала за ним. Пройдя несколько комнат Василий Андреевич (так звали господин Орлика) толкнул какую-то дверцу, и Тася очутилась в маленькой, полутемной каморке с одним крошечным окошечком без стекла, выходящим в коридор. В ту же минуту господин Орлик вышел, не говоря ни слова: задвижка щелкнула, и Тася осталась одна-одинешенька в своей темной каморке.

Глава XI

В карцере

Горькие слезы хлынули из глаз девочки. Она бросилась на пол с громким рыданием, звала маму, няню, Павлика, как будто они могли услышать ее за несколько десятков верст. Разумеется, никто не приходил и никто не откликнулся на её крики. Тогда Тася вскочила на ноги и, подбежав к плотно запертой двери, изо всей силы стала колотить в нее ногами, крича во все горло:

– Выпустите меня, или я умру здесь! Умру! Умру! Умру! Гадкие! Противные! Мучители!

Но никто не откликается – прежняя тишина царит вокруг девочки, точно весь пансион вымер и там нет ни души.

Тогда, видя всю бесполезность криков и угроз, утомленная и измученная Тася как сноп повалилась на стоявшую в углу каморки постель и, уткнувшись лицом в подушку, тихо заплакала.

Это уже не были слезы злости, исступления. В душе Таси впервые промелькнуло раскаяние во всех её прежних выходках и капризах. Ее неудержимо потянуло домой – к доброй мамаше, к сестрице и брату, которых она столько раз огорчала. Ей припомнились все мамины заботы и ласки, припомнились и последние события, день маминого рождения, – ре-

шающий Тасину судьбу день.

Мама увидела, что ничто не может исправить её девочку, и пригласила господина Орлика приехать за ней. О, этот господин Орлик, как он был вежлив с ней, Тасей, в дороге, пока они ехали на станцию, и несколько часов, проведенных в вагоне поезда, доставившего её сюда! Даже в те минуты, когда Тасю охватывало желание капризничать, он старался очень вежливо обходиться с ней. Но эта самая вежливость пугала девочку больше всяких криков и угроз. Под вежливым обращением Орлика чувствовалась железная рука, которая могла направить ее в какую угодно сторону. Тася почувствовала это и сразу возненавидела своего директора. Злость на него, на «злых девчонок», как она называла пансионерок, наполняла теперь до краев её маленькое сердечко.

– Мама, мама, зачем ты отправила меня сюда? Здесь только мучают бедную Тасю! – всхлипывая говорила девочка, совершенно забывая о том, что она сама и была главной причиной всех своих несчастий.

И вдруг внезапный порыв злобы снова охватил ее.

– А если так, – вскричала она, – то я знаю, что мне надо делать! Вы думаете, что этот гадкий пансион исправит меня и сделает хорошей? А я стану назло вам еще хуже, еще злее в этом гадком пансионе, – вот увидите, увидите, увидите!

И она злорадно улынулась, представив себе, как господин Орлик отправит её домой, бессильный исправить её, и мама скажет Марье Васильевне:

– Напрасно, Marie, вы советовали мне отдать Тасю из дома. Это не помогает.

И у Marie будет кислое лицо, кислое, точно она выпила уксус. А Тася скажет на это маме:

– Я исправлюсь, мамочка, дома, а в пансионе я всегда бы дурно вела себя, потому что я не хочу быть в пансионе.

И тогда мама поцелует Тасю и скажет:

– Я тебя прощаю, только старайся исправиться поскорее.

А Marie она выгонит из дома.

– Да, да, выгонит, выгонит! Непременно! – злорадствовала Тася.

Она так углубилась в свои мысли, что не заметила, как стусутились сумерки, и в каморке наступила полная темнота.

– Меня, кажется, совсем позабыли, – с горечью подумала девочка, и, чтобы напомнить о себе, громко закричала: – Господин Орлик! Господин Орлик!

Но по-прежнему никто не отзывался на её зов.

Тасе становилось жутко. К тому же она начинала ощущать голод, так как не ела с самого отъезда из дома. Правда, Василий Андреевич предлагал ей чаю и бутербродов на вокзале, но она гордо заявила на это, что не станет есть всякую гадость. Теперь же желание чего-нибудь покушать все сильнее и сильнее охватывало ее. К довершению всего в каморке стало совсем темно, а Тася не любила и боялась темноты.

И вот она сидела, подавленная и притихшая, в углу на постели и смотрела в темноту широко раскрытыми испуганны-

ми глазами.

Неожиданный шорох в углу заставил вздрогнуть девочку.

И в ту же минуту две ярко горящие точки привлекли её внимание.

Точки приближались, блестя в темноте, как два маленьких фонарика, и направлялись прямо к Тасе. Какое-то странное фыркание слышалось в том же углу. Потом светящиеся точки приблизились окончательно и что-то мягко и бесшумно прыгнуло на колени Таси.

– Ах! – вскричала девочка и в ужасе закрыла глаза.

Глава XII

Это была кошка! – Добрый гений

– Ах! – вторил Тасе чей-то незнакомый крик со стороны окошечка.

И вмиг послышалось чирканье спички. Окно осветилось, осветилась и каморка.

Тася, вся замирая от страха, открыла глаза и... Громко расхохоталась. Напугавшие ее так светящиеся точки оказывались двумя ярко горящими глазами замечательно красивой рыжей кошечки. Кошка была преласковая. Она терлась о колени Таси и заглядывала ей в лицо, умильно помахивая своим желто-бурым хвостиком.

А в окошко, теперь освещенное ярким огнем свечи, смотрела белокурая головка девочки с большими ласковыми глазами и двумя туго заплетенными косичками по плечам.

Появление белокурой головки так удивило Тасю, что она мигом забыла и про рыжую кошку, и про недавние страхи.

– Как ты сюда попала? – с удивлением спрашивала она белокурую незнакомку.

– Очень просто. Я встала на сундук, где хранятся платья m-Ше Орлик, потом на стул и дотянулась до окошка. Мне стало жаль тебя, я и пришла навестить тебя и успокоить. Ты, должно быть, боишься темноты.

– Кто ты? – снова спросила Тася, которой сразу понравилось открытое, симпатичное личико девочки.

– Я Дуся.

– Кто?

– Дуся, Евдокия. Девочки меня так прозвали. Они любят меня.

– Твои девочки злючки. Я их терпеть не могу, твоих девочек! – снова вспыхнула Тася.

– Нет, девочки хорошие, – убежденно и спокойно подтвердила Дуся. – Ты верно злая сама, если считаешь злыми других. Увидишь, какие они хорошие. Ярышка извиняется перед тобой, за то что отнимала у тебя шляпу, и просит передать тебе, чтобы ты не беспокоилась, что сделала ей больно.

– Я и не беспокоюсь...

– Вот ты какая! – и белокурая девочка изумленно вытаращила глаза, как бы разглядывая Тасю, потом, словно спохватившись, сказала: – Красавица прислала тебе пирожное.

– Кто прислал?

– Маргарита. Самая красивая и самая большая из всех девочек. Вот она и прислала тебе сладенького. Только я откусила кусочек: хотела узнать, из чего оно сделано. Ты не сердись?

– Нет. Ты славная! Ты не знаешь, скоро выпустят меня отсюда?

– Нет, не скоро. Ты верно проведешь ночь в карцере. У нас всегда запирают на ночь девочек, которые не умеют быть

добрыми. Меня ни разу не запирали, а Ярышку много раз. Она самая большая шалунья из всего пансиона.

– Но я боюсь оставаться в карцере на ночь! – закричала сердитым голосом Тася.

– Почему ты так кричишь? Разве я глухая? – удивилась Дуся. – Ты кричи нашей кухарке: она плохо слышит, ей надуло в уши после бани. А мне не надуло, и я хорошо слышу, – спокойно пояснила белокурая Дуся и, помолчав немного, добавила снова: – так ты боишься? Господин Орлик говорит, что боятся только люди с нечистой совестью. А знаешь, – снова, после минутного молчания, проговорила она, – я приду к тебе ночевать, хочешь?

– Да ведь тебе достанется.

– Нет. Меня очень любят и Василий Андреевич, и Анна Андреевна. Меня никогда не бранят. Верно оттого, что я сиротка.

– Ты сиротка? – удивилась Тася.

– Да, Я тебе все расскажу, когда мы уляжемся. Только надо выпустить Милку. А то она будет мяукать и разбудит весь дом.

И с этими словами голова и свечка исчезли в окошке, и на минуту в камерке водворилась прежняя темнота. Через секунду, однако, свет снова появился, за дверью щелкнула задвижка, и на пороге, освещенная мерцающим светом свечи, появилась белокурая головка Дуси. Она казалась очень худеньким и маленьким созданием с прозрачно-болезненным

личиком и не детски серьезными глазками, которые смотрели так открыто и прямо, что, глядя в эти глаза, самый отъявленный лгунишка не посмел бы солгать.

– Ну, вот и я! – произнесла худенькая девочка. – Вдвоем не будет страшно здесь в карцере. Только Милку выгони. Пошла вон, Милка! – замахала она рукой на кошку.

Последняя с недовольным мяуканьем, выгибая кольцом свою красивую, полосатую спину, выскользнула из комнаты.

– Ну, ложись же. Ты к стенке, а я с краю, чтобы успеть утром вскочить и убежать на случай, если Сова или Сушка найдут сюда.

– Кто? – изумилась Тася.

– Сова – это Настасья Аполлоновна, надзирательница. Сушка – сестра господин Орлика, Анна Андреевна. У нас у всех здесь прозвища. Только меня Дусей называют. А у остальных девочек у всех названия. Самая старшая, Маргарита Вронская – Красавица. Вторая, Степанида Иванова – графиня Стэлла, ее прозвали так в насмешку. Она очень важничает перед всеми нами. Горбатенькая Вавилова – Карлуша. Ты видела несчастную девочку с горбом? Так вот она Карлуша. Машенька Степанович – Гусыня. Она очень глупенькая. Немку Лизу Берг зовут Птичкой. Она все поет целый день. Фиму Ярош – Ярышкой. Потом идет Малютка – Нина Рузой. Потом двух близнецов, сестер Нагибиных, Анночку и Софочку, зовут Зайкой и Лиской, потому что одна такая беленькая, как зайчик, а у другой остренькое личико,

как у лисички. Маруся Васильева – Коташка или Котик, и, наконец, мы зовем черненькую Галю Каховскую – Пчелкой. Вот тебе и весь пансион. У нас славные девочки. Только графиня Стэлла чуточку заносчивая, Гусыня – глупенькая, Карлуша – злючка немножко, да Ярышка – проказница невозможная, и хохлушка с Коташкой также, а в общем все очень хорошие.

– А господин Орлик и его сестра?

– Они очень строги, но справедливые. Сова сердитая. Только если с ней вежливы, то и она не сердится никогда.

– А ты давно в пансионе?

– Давно. Раньше всех. Меня привезли сюда совсем маленькой, я и не помню даже когда. Сюда ведь не только для ученья возят, но и для исправления и воспитания сироток. Например, вот Гусыню сюда привезли от лени отучить. Ее из гимназии за лень исключили. Пансион господин Орлика отчасти и исправительное заведение.

– Я знаю! – процедила Тася сквозь зубы и густо покраснела в своем уголке.

– Ах, да, я тебе пирожное принесла. От Красавицы. Ешь.

Тася взяла пирожное и в два приема съела его. Дуся удивленно смотрела на нее, пока она ела.

– Что ты? – спросила Тася.

– Нет, ничего. Я думала, что ты со мной поделишься. Я всегда делюсь.

Тася промычала что-то и отвернулась к стене, оставив

очень мало места для своей соседки. Но Дуся нимало не смущилась этим. Она была очень нетребовательная девочка. Дуся потушила свечку и примостилась, свернувшись клубочком, в углу постели.

Через несколько минут обе девочки, и беленькая Дуся, и порядочно измученная долгим путем и слезами Тася, крепко уснули, каждая на своем уголке.

Глава XIII

Первый день в пансионе

Глухой удар колокола, повешенного в передней пансиона, разбудил Тасю. Она проворно вскочила с постели, решительно не понимая, где находится. Темная каморка стала светлее. Свет, проникавший сюда из коридора, делал крошечную комнату намного уютнее, нежели ночью. Ночной гостьи не оказалось на постели рядом и Тасе показалось даже, что она видела белокурую Дусю только во сне.

Едва Тася успела открыть глаза, как щелкнула задвижка, и в каморку вошла Настасья Аполлоновна. Надзирательница несколько минут молча смотрела на Тасю, Тася – на надзирательницу.

Потом Настасья Аполлоновна пожала плечами в знак своего изумления и сказала:

– Когда старшие входят в комнату, младшие должны здороваться с ними. Вы должны поздороваться со мной, Стогунцева. Я – ваша классная дама.

– Здравствуйте, классная дама! – произнесла Тася невозмутимым тоном, желая выказать на этот раз послушание, чтобы получить прощение и возможно скорее выйти из карцера.

Она была изумлена, увидев, что полные щеки классной

дамы покрылись густым румянцем негодования и гнева.

«За что же она сердится?» – изумилась девочка при виде этого разгневанного лица.

Должно быть, её собственное личико было очень смиренно в эту минуту, потому что Сова разом успокоилась и сказала:

– Надо говорить: здравствуйте, m-lle!

– Хорошо, – покорно отвечала Сове Тася, – я буду говорить так, как вы желаете, потому что мне хочется есть и очень надоело сидеть в этом противном карцере. Скажите, m-lle классная дама, где я могу найти что-нибудь поесть? – через минуту добавила она.

– Говорите просто m-lle, не смейте прибавлять – классная дама, – снова заволновалась Сова.

– Ну, просто m-lle, – разом согласилась Тася, – дайте мне есть!

– Все будет в свое время! – произнесла строго надзирательница. – Прежде всего идите в уборную. Оденьтесь там в пансионерское платье, умойтесь и причешитесь, и когда ударит колокол, приходите вместе с другими пить чай.

– Я пила у мамы какао по утрам.

– Здесь вы будете пить то, что вам дадут, – еще строже произнесла Настасья Аполлоновна.

«Такая же злючка, как наша Маришка. Вот противная!» – мысленно решила Тася. Однако, не посмея послушаться, покорно двинулась следом за классной дамой.

В небольшой комнате, куда привела ее надзирательница, стояло несколько умывальников, подле которых плескались и мылись пансионерки.

– Новенькую простили! Новенькую простили! – кричала бойкая Фимочка Ярош, старательно намыливая себе руки.

– Пойдемте, я покажу вам вашу постель в дортуаре, – подошла к Тасе Маргарита Вронская или Красавица, как ее называли девочки.

Маргарита была действительно прехорошенькая. Тонкое личико, точеный носик с горбинкой и ласковые голубые глаза притягивали к ней каждого, кто ни взглянет на девочку. Тасе она понравилась больше других. К тому же она не дразнила Тасю накануне и теперь обращалась с ней так, точно ничего не происходило между новенькой и остальными.

– А вы, должно быть, хорошая, – сказала Тася, любуясь девочкой, и, подпрыгнув, неожиданно чмокнула Вронскую почти в самые губы.

Та рассмеялась.

– Забияка пришла! Забияка! – снова раздался за плечами Таси знакомый голос.

Она быстро оглянулась и увидела Ярышку, насмешливо щурившую на нее свои бойкие глаза.

– Фима, молчи! Не смей задирать новенькую, – и белокурая Дуся быстро подбежала к Тасе. – Они тебя не тронут больше, только ты сама не дразни их, – поспешно шепнула она ей на ухо.

Дуся не солгала, сказав, что ее любят в пансионе. Маленькую сиротку слушались с первого слова. Даже самая отчаянная шалунья Ярош и злая горбунья Карлуша повиновались ей беспрекословно.

Ровно в восемь часов снова ударил большой колокол. Это глухая кухарка, готовившая для пансионеров обед, звонила к утреннему чаю.

Девочки с веселым смехом и шумом вошли в столовую, но при виде сидевшего там за столом с газетой в руках господин Орлика и его строгой сестры, разливавшей чай, разом притихли.

Каждая из пансионеров заняла свое место за завтраком, состоявшим из стакана чаю и куска свежего ситника.

Тася очутилась как раз между Дусей и Маргаритой Вронской.

Дети пили чай в глубоком молчании.

И вдруг, среди гробовой тишины, раздался звонкий голосок Таси:

– А что у вас сегодня за обедом на сладкое?

Эго было так неожиданно, что господин Орлик выронил газету, а m-lle Орлик – крышку с чайника, которая, со звоном упав на пол, тут же разбилась вдребезги.

Тасе показалось это очень смешным.

Она, расхохоталась на всю комнату, пригибаясь головой к столу, причем задела кружку с чаем.

Кружка опрокинулась, и на скатерти образовалось огром-

ное пятно.

– Ай-ай-ай! Вот и Черное море! – кричала Тася, еще громче заливаясь смехом, – а вот и лодочка. Я пустила по морю лодочку, смотрите! – кричала она, отрывая кусок ситного и бросая его в лужицу.

Кое-кто из девочек фыркнул, кое-кто тихо смеялся, закрывая рот платком.

– М-ле Стогунцева! – произнес своим невозмутимым голосом господин Орлик, – потрудитесь пересесть за штрафной стол у окна, – и он указал жестом, куда следовало сесть Тасе.

Тася оглянулась. У окна стоял непокрытый ни скатертью, ни даже клеенкой простой некрашенный деревянный стол и табурет. Она брезгливо поморщилась, но послушаться, однако, не посмела, боясь снова очутиться в темном карцере.

Новый удар колокола возвестил начало урока. Дети прошли на этот раз чинно в классную – большую светлую комнату в четыре окна.

Сова подозвала Тасю и велела ей сесть подле Дуси, фамилию которой тут же узнала девочка: её белокурую ночную гостью звали Евдокией Горской.

Не успели девочки разместиться по своим местам, как в классную вошел, подпрыгивая на ходу, господин небольшого роста, с шарообразной толстой фигурой, учитель истории, географии и зоологии, фамилия которого была Васютин. Сегодня был сначала урок географии, остальные предметы сле-

довали за ним.

Так как между воспитанницами господин Орлика была заметная разница в годах, то половина их составляла старшее отделение, которое состояло из Красавицы или, вернее, Маргариты Вронской, Степы Ивановой, прозванной графиней Стэллой, Лизы Берг, Маруси Васильевой и Гали Каховской – смуглой, миловидной хохлушки. Остальные семь девочек составляли младшее отделение.

Сейчас был урок младших, и старшие, чинно сидя на своих местах, могли заниматься своим делом.

Петр Петрович Васютин своей подпрыгивающей походкой обошел учебные столы, за которыми сидели девочки во время уроков, и, заметя новую ученицу, Тасю, спросил:

– Новенькая? Славно! Очень рад познакомиться. Очень рад! Очень рад! Учились чему-нибудь из географии?

Тася молчала.

– Учились чему-нибудь из географии? – повторил свой вопрос учитель, с удивлением разглядывая черноглазую девочку, не умевшую ответить ему.

Новое молчание было ответом ему.

– Что же это с нею? – обратился, недоумевая, учитель ко всему классу, и на лице его выразилось самое неподдельное изумление.

Кое-кто из девочек фыркнул. Другие сдержанно улыбались, предвидя новую потеху.

– Она, Петр Петрович, немая! – выкрикнула со своего ме-

ста неугомонная Ярышка.

– Вот как! Бедняжка! – не то сочувственно, не то насмешливо произнес Васютин.

По лицу новенькой проскользнула плутоватая улыбка, и неожиданно для других Тася вытянула губы и продолжительно замычала на весь класс: «М-м-м! М-м-м!» – как это обыкновенно делают немые.

Девочки покатались со смеха. Сова, присутствовавшая на уроке, привскочила со своего места и, грозя пальцем, кричала:

– Молчать! Сию минуту молчать!

– М-м-м! М-м-м! – мычала Тася, делая странную гримасу и шевеля странно губами.

– Ха, ха, ха, ха! – покатывались со смеха пансионерки.

Несколько минут в классе стоял гам. И вдруг над всем этим гамом, покрывая его, прозвучал серебристый голосок Дуси:

– Нехорошо! Стыдно! Гадко! Фу! Фу! Не умеешь себя вести за уроком.

Сова подскочила к Тасе, схватила ее за руку и вытащила на середину класса.

– Стойте здесь! – приказала она строгим голосом, – и пусть все видят, что вы за невозможная девчонка!

Тася немного побледнела, но сейчас же пришла в себя и дерзко подняла голову.

– Ай, ай, ай, как не стыдно! – качая головой, произнес Ва-

сютин и, оглядев внимательным взором девочку, отвернулся от неё, принявшись объяснять младшим пансионеркам, какие моря существуют на белом свете и каким странам принадлежат они.

Познавшись с младшим отделением, он перешел к старшему и после полутора часа занятий вышел из класса своей обычной подпрыгивающей походкой.

Глава XIV

День в пансионе продолжается

Лишь только учитель вышел, девочки с шумом повскакали со своих мест. – А ты молодец, Стогунцева, – подскочив к Тасе, проговорила Ярышка. – М-м! М-м! – передразнила она ее, – славно!

– Недурно! – поддержала Фимочку Васильева. – Васютин порядочная злюка и его стоит хорошенько извести!

– Васильева, вы говорите глупости! Потрудитесь молчать! – произнесла строго подоспевшая к ним Настасья Аполлоновна.

Тася, очевидно очень довольная собой, стояла посреди класса с торжествующей улыбкой на лице. Она себя чувствовала чуть не героиней. Все внимание класса было обращено на нее. Её выходка насмешила и позабавила всех. Девочки улыбались сочувственно, кроме старших, которые занимались своими делами и нимало не обращали внимания на малышей.

Но радость Таси была преждевременна. Не прошло и двух-трех минут по окончании урока, как к ней приблизилась белокурая Дуся и строго произнесла, уставившись в лицо Таси своими честными голубыми глазками:

– То, что ты сделала сегодня, гадко и дурно.

Тася вспыхнула.

– Это не твое дело! – грубо отрезала она.

– То, что ты сделала, нехорошо! – еще раз произнесла Дуся.

– Убирайся! – вне себя вскричала Стогунцева и оттолкнула от себя свою новую товарку.

– Девочки! Девочки! Смотрите, она обижает нашу Дусю! – вскричала Маргарита Вронская, видевшая эту коротенькую сцену.

– Не смей обижать Дусю! – подскочила Васильева к покрасневшей от гнева Тасе.

– Дуся наша милочка! Мы не позволим обижать ее! – вторила девочкам смугленькая хохлушка Каховская из старшего отделения пансиона.

– Да, да! Не позволим! – отозвались близнецы-сестрицы Зайка и Лиска.

– Ах, ты, Задира Ивановна, Забияка Петровна! – подбежав к Тасе вскричала Ярышка.

– Забияка! Забияка! – прыгала вокруг неё черненькая горбатая Карлуша.

Тася каждую минуту готова была расплакаться злыми бесильными слезами. К её счастью в класс вошел новый учитель, русского языка и арифметики, Баранов, и девочки чинно разместились за своими столиками. Одна только Дуся не успела занять своего места.

– М-ше Горская! – произнес учитель, – что же вы? Про-

гулку задумали не в урочное время!

– Это не она виновата, а новенькая! – крикнула со своего места Ярышка.

– Ярош, тише! – остановила девочку надзирательница.

– Правда! Правда! – подтвердили все. – Новенькая виновата! Новенькая!

– Мне нет дела, кто виноват! – произнес Баранов, – я вижу, что m-lle Горская не на месте, и делаю ей замечание за дурное поведение! – заключил он и, обмакнув перо, написал что-то в классном журнале.

– Это несправедливо, – неожиданно раздался звучный голос с половины старших, где в это время большие пансионерки делали письменную задачу. – Дуся не виновата! Нет! Нет! – и Маргарита Вронская встала со своего места с пылающими от негодования щеками.

– Не виновата! – вторила ей и графиня Стэлла.

– Не виновата! – отозвалась всегда тихенькая и невозмутимая Лизанька Берг.

– Молчать! – прикрикнула Сова на расходившихся девочек.

– Я вас прошу не шуметь! – в свою очередь надрывался учитель.

Но девочки уже не могли успокоиться, раз дело касалось их любимицы Дуси, которую обвиняли незаслуженно по их мнению. Они волновались и шумели, как стая крикливых воробышков.

– Злой Баранов! Нехороший, – говорила Ярышка злым шепотом, глядя на учителя сердитыми, блестящими глазами.

– Противный! Не люблю его! – отозвалась горбунья Карлуша. – Дусю ни за что обидел! Бедная Дуся!

– Он Дусю обидел, а я его, – неожиданно выпалила снова Ярышка, – противный, несносный, скверный... Я ему отплачу за бедняжечку Дусю, – и прежде, нежели её соседка успела остановить ее, шалунья низко пригнула голову к столу и, не шевеля губами, испустила короткое: «Бэ! Бэ! Бэ!» очень похожее на бляение барана.

– Это что такое? – так и подскочил на своем месте учитель, не понимая, откуда идет этот крик, так как глаза шалуньи Фимы невозмутимо смотрели в упор на него, в то время как губы её, находившиеся чуть ниже поверхности стола, тщательно выводили:

– Бэ! Бэ! Бэ!

– Что-с? – окончательно потерялся Баранов, бегая по классу и отыскивая виновную.

– Бэ! Бэ! Бэ! – продолжала неистово Фима, в то время как оба отделения пансионерок, старшее и младшее, чуть не давились от тщетного усилия удержать смех.

– Кто это позволяет себе подобную дерзость? – строго произнес учитель, обводя весь класс испытующим взором.

Настасья Аполлоновна, вся красная, как морковь, перебежала с одного места на другое, стараясь накрыть бляевшую проказницу. Но это было не так-то легко, как казалось. Ед-

ва Сова подходила к тому месту, где сидела Фима, как бляение прекращалось в минуту, а лишь только надзирательница отдалялась в противоположный угол классной, возобновлялось снова с удвоенной силой.

– Что же это наконец такое? – еще раз неистово крикнул, выйдя из себя, учитель.

И вдруг с ближайшей к нему скамейки поднялась очень полная, высокая девочка с широким скуластым лицом и невыразительными выпуклыми глазами. Это была Машенька Степанович, самая ленивая, неразвитая девочка из всего пансиона, которую подруги прозвали Гусыней за её глупость.

– Не сердитесь, пожалуйста! – произнесла она, обращаясь к учителю своим лениво-спокойным голосом, в то время как на рыхлом, широком лице её появилась невыразимо глупая улыбка. – Не сердитесь, пожалуйста, господин учитель, мы не виноваты. В классе появился баран, это он, а не мы.

Замечание Машеньки переполнило чашу. Девочки не могли сдерживаться дальше от обуявшего их смеха и дружный взрыв хохота огласил своды пансиона.

Учитель, приняв замечание Гусыни за новую насмешку над ним, окончательно вышел из себя и теперь кричал что-то, чего нельзя было слышать за веселым хохотом пансионеров. И весь этот шум покрывало по-прежнему неумолкаемое и пронзительное, как свисток: «Бэ-Бэ-Бэ!» Фимочки.

Плохо бы окончился урок для не в меру расшалившихся девочек, потому что Баранов уже несколько раз повторил

имя Орлика, как вдруг неожиданно со своего места поднялась Тася Стогунцева и, сделав из своих рук подобие рупора, прокричала во весь голос громко, как в лесу, заглушая и смех, и блеяние, и крик учителя:

– Это не баран, а Ярош, господин учитель! Это Ярош изображает барана. Вот кто!

И она указала пальцем на разом притихшую Ярышку.

Впечатление получилось неожиданное. Смех оборвался разом, шум прекратился.

– Стогунцева – ябедница! Шпионка! – зашептали во всех углах девочки.

– Ну, так что же! – крикливо вторила им Тася, – и пусть. Вы меня браните забиякой, задирой. Вы меня дразните, так вот же вам за это! Вот вам!

И она торжествующими глазами обвела весь класс.

– И отлично сделали! – произнес учитель, – я вас хвалю за это! Дурные поступки должны быть указаны; это не ябедничество, а долг каждой из вас! Вы справедливо поступили, m-lle Стогунцева.

Ласково кивнув Тасе, он бросил уничтожающий взгляд на Ярош и произнес строго:

– Ваш поступок будет оценен по заслугам господином директором, – и стал объяснять новый урок к следующему дню.

Ровно в час ударил большой колокол, призывающий к обеду. Господин Баранов, не прощаясь с девочками, очевидно еще рассерженный их выходкой, поспешно вышел из класса.

И тотчас же, лишь только фигура учителя скрылась за дверью, пансионерки шумной толпой окружили Тасю.

– Шпионка! Доносчица! Фискалка! – кричали одни.

– Стыдно доносить и фискалить! Фи, бесстыдница! – вторили им другие.

– Девочки, оставьте ее, – послышался за ними нежный голосок Дуси, – она нечаянно выдала Фиму. Право, нечаянно! Ведь ты нечаянно это сделала? – обратилась к Тасе милая девочка, глядя ей прямо в глаза своими светлыми, чистыми глазками. – Ведь ты не хотела? Ты не подумала раньше, чем сделала это? – спрашивала она Тасю и, обняв ее, не спускала с лица Стогунцевой своего лучистого ласкового взгляда.

Эта неожиданная ласка и этот добрый голосок странно напомнили маленькой Тасе что-то милое, родное – напомнили ей её маму, прежнюю, добрую, ласковую маму, а не строгую и взыскательную, какой она казалась Тасе со дня падения Леночки в пруд. Что-то екнуло в сердечке Таси. Какая-то теплая волна прихлынула к горлу девочки и сдавила его. Ей захотелось плакать. Дуся сумела пробудить в ней и затронуть лучшие струны её далеко не испорченного, но взбалмошного сердечка.

Она взглянула на окружающих ее девочек, потом на Дусю и вдруг залилась горькими, неудержимыми слезами, припав головой к плечу своей маленькой заступницы.

– Ну, вот! Ну, вот! Я знала, что она не злая! Я знала, – торжествуя, говорила та. – Она не шпионка и не злючка, а

просто вспыльчивая и избалованная девочка. Нет, пожалуйста, не обижайте ее! – и она умоляющими глазами окинула круг девочек.

Те, растроганные словами Дуси, пообещали ей не задевать Тасю и не дразнить ее. Только Ярышка и горбатенькая Карлуша – две закадычные подруги – не дали этого обещания, зная заранее, что не в силах сдержать его. Новенькая не пришлась по сердцу обеим девочкам.

Глава XV

Новая проделка. – Глухая Мавра

Прошла целая неделя со дня поступления Таси в пансион. Девочки мало помалу привыкли к Тасе, Тася – к девочкам. Только две пансионерки по-прежнему терпеть не могли маленькой Стогунцевой, и она в свою очередь платила им тем же. Эти двое были: горбатенькая Карлуша и Ярош, которые решительно не могли и не желали находить новенькую доброй и сердечной девочкой. Но Тася нимало не горевала об этом: она быстро освоилась с пансионской жизнью и чувствовала бы себя отлично, если б не постоянное воспоминание о том, что ее отдали сюда в наказание и что мама, должно быть, совсем разлюбила и позабыла свою Тасю!

Но Тася ошибалась; мама более, чем когда-либо, любила свою девочку, больше, чем когда-либо, интересовалась ею. Тася и не подозревала, что еженедельно в «Райское» к маме ездил или сам господин Орлик, или же сестра его с отчетом о её поведении и успехах.

До сих пор, однако, бедная Тасина мама не могла гордиться ни тем, ни другим. Тася все еще была на дурном счету, и исправление её почти не подвигалось вперед. Одно только порадовало маму: господин Орлик успел сообщить ей одну очень утешительную новость. Её дочь, неисправимая дочур-

ка-проказница, подружилась с Дусей Горской – с самой лучшей девочкой из всего пансиона – и это уж много говорило за нее. Нина Владимировна – мама Таси – очень грустила по своей девочке – и не одна мама, но и няня, и Леночка, уже окончательно выздоровевшая от своей болезни, и даже m-lle Marie, любившая по-своему свою строптивую и непокорную воспитанницу. Даже по письмам Павлика, уехавшего в Москву в корпус, было видно, как он тревожился о своей младшей сестренке.

Немудрено, что посещения господин Орлика ждали с лихорадочным нетерпением, чтобы узнать от него о маленькой пансионерке.

Но вернемся к Тасе.

Стояло пасмурное осеннее утро. Дуся, сидя за чаем вместе с прочими пансионерками, жаловалась на головную боль.

– Ужасно трудно вставать по утрам так рано, – жаловалась девочка.

– Разумеется, нас будят с петухами, – подхватила недвольным голосом графиня Стэлла. – Ужасно неприятно! Со всем спать не приходится.

– Это потому, что ты слишком долго возишься со своим туалетом, – завиваешь на папильотки волосы и мажешь глицирином руки. Конечно, тебе остается мало времени на спанье, – расхохоталась Тася.

– Молчи, пожалуйста! – топнув ногой, прикрикнула на нее графиня Стэлла.

– Иванова! Ведите себя приличнее, – строго заметила Анна Андреевна, сидевшая тут же за самоваром.

– Нет, право, Мавра звонит точно на пожар, – заметила Лизанька Берг, – большая любительница поспать хорошенько.

– А я, девочки, и не слышу звонка! – со своей простоватой улыбкой произнесла Гусыня.

– Тебе хоть из пушки пали под ухом и то не услышишь, – недовольно заметила Ниночка Рузой, или Малютка, симпатичная восьмилетняя девочка, казавшаяся гораздо моложе своих лет.

– Я, девицы, спать люблю! – чистосердечно заявила Машенька с таким смешным выражением на лице, что все расхохотались.

– Странно, гуси мало спят! – насмешничала злая на язык Карлуша.

– Да разве я гусь? – захлопала недоумевающе глазами Машенька.

– Нет, ты другое! – лукаво усмехнулась Ярош.

– А что же?

– Гусыня! – отозвалась снова Карлуша, и обе подруги покатались со смеху.

– Ну, уж вы скажете тоже! – обиделась Машенька. – Гусыня-то глупая...

– А ты у нас умница. Про это знает вся улица, петух да курица, дурак Ермошка, да я немножко, – захлебываясь от

смеха прокричала проказница Ярош.

– Не трогайте ее, девочки, – остановила Карлушу и Ярош Дуся Горская и вдруг тихо застонала.

– Что с тобой, Дуся? Что с тобой? – всполошились все.

– Голова болит ужасно, – прошептала Горская.

– А все из-за вставанья с петухами. Все из-за колокола противного! Хоть бы украл его кто скорее, – сердито проговорила Тася, которой было очень жаль свою бедную подругу.

– Не украдут, – уныло произнесла Галя Каховская.

– Очень глупо желать неприятностей вашему директору, – строго произнесла Анна Андреевна и, встав из-за стола, пошла в комнату Настасьи Аполлоновны, где они обе за чашкой кофе поверяли друг другу все свои горести и неприятности, причиненные им пансионерками.

Лишь только фигура директрисы скрылась за дверью, Тася вскочила на стул, оттуда на стол, крича своим громким голосом:

– Ура! Я придумала что-то! Ура! Колокол не разбудит вас завтра! Да, не разбудит, ручаюсь вам за это!

И она радостно захлопала в ладоши.

Девочки недоумевающе поглядывали на Стогунцеву, но на все вопросы – в чем заключалась её выдумка – Тася не отвечала им ни слова.

Большой колокол был привешен в темной прихожей пансиона, в углу за верхними платьями пансионерок, и если влезть на вешалку, то можно было рукой достать до его же-

лезного языка. Тася все это обдумала всесторонне и в тот же вечер можно было видеть миниатюрную фигурку девочки в длинной, ночной сорочке, проскользнувшую из дортуара и босиком пробравшуюся в переднюю. В руках белая фигурка держала скомканное ручное полотенце. Добравшись до темного угла, где висел колокол, Тася (так как белая фигура была она) вскарабкалась на подзеркальник трюмо, стоявшего в передней, оттуда на вешалку и живо принялась за работу. В одну минуту язык колокола был тщательно обернут полотенцем, и Тася, с ловкостью кошки, снова соскользнула на пол.

Было ровно семь часов утра, когда заспанная глухая пансионская кухарка Мавра пришла в полутемную прихожую и стала дергать веревку колокола.

Колокол не звонил. Но так как Мавра никогда, по причине своей глухоты, не слышала звона, то и теперь, дернув несколько раз за веревку, снова ушла к себе в кухню, уверенная в том, что выполнила возложенную на нее обязанность.

На больших столовых часах пробило восемь. Необыкновенная тишина царила в пансионе. Пробило половина девятого и наконец девять. Прежнее невозмутимое, мертвое спокойствие.

В начале десятого часа к старшим пансионеркам должен был придти учитель музыки, к младшим – священник, настоятель городского собора, преподававший девочкам Закон Божий.

Учитель и священник, впущенные Маврой, сошлись в за-

ле и были очень поражены царившей в нем зловещей тишиной.

– Можно подумать, что пансион вымер! – произнес господин Штром, худой, длинноволосый немец.

– Н-да, подозрительно что-то! – согласился батюшка, отец Илларион, пожимая плечами.

– Странно! Слушай, голубушка, – обратился Штром к Мавре, – что у вас все благополучно?

Та радостно закивала головой, не расслышав того, что говорит учитель.

– С лучком, батюшка, с лучком. Я завсегда с лучком котлеты делаю, – весело затараторила она.

– Какие котлеты? – удивился господин Штром. – Что она говорит? Что ты говоришь, про какие котлеты? – и снова спросил он кухарку.

– Одеты! Одеты! Я их покличу в классную. В эту пору они завсегда одеты бывают, – обрадовалась глухая в полной уверенности, что ее спрашивают – готовы ли пансионерки.

– Мы подождем, не надо! Не надо! – махнул рукой Штром.

Тут уж лицо Мавры ослабилось до ушей и растянулось в счастливую улыбку.

– На что мне награда, батюшка, я и без награды скажу. Благодарствуйте, мы и так вами много довольны, – и, низко кланяясь, она удалилась в дортуар звать пансионерок.

Те еще крепко спали, несмотря на то, что было уже половина десятого. Да не только они, но спали и господин Орлик,

и Анна Андреевна – каждый в своей комнате, спала Сова в своем дупле, как прозвали старшие пансионерки комнату классной дамы, спала горничная Ирина в умывальной комнате на клеенчатом диване, словом – спали все.

Колокол не звонил в это утро.

Мавре оставалось только выйти на середину дортуара и закричать громким голосом:

– Барышни! Батюшка с немецким учителем пришли.

Пансионерки вскочили, перепуганные на смерть.

– Пожар? Горим? – спрашивали они, на что Мавра отвечала таким же криком:

– Да, да, в зале!

– Пожар в зале! Ужас! Ужас! – кричали вне себя девочки, поспешно одеваясь кто во что попало.

Между тем из своей комнаты выбежала Сова, забыв снять папильотки, в которые всегда закручивала свои жиденькие волосы на ночь, а из противоположной половины дома вихрем неслась Анна Андреевна, истерически выкрикивая:

– Где пожар? Что такое?

Вслед за остальными прибежал господин Орлик, который, тщательно расследовав дело, старался изо всех сил успокоить пансионерок и втолковать им, что никакого пожара нет и в пансионе все обстоит благополучно.

Вдруг в эту минуту в прихожей прозвучал мерный удар колокола. Это Тася, успевшая во время общей суматохи проскользнуть туда, освободила медный язык от обертывающей

его тряпки и теперь трезвонила во всю, изо всех сил дергая веревку.

В этот день никто не жаловался на усталость а у Дуси Горской прошла её головная боль.

Кто был причиной беспорядка – так никто и не узнал в пансионе. Тася Стогунцева умела хранить свои маленькие тайны.

Глава XVI

История одной кошечки. – Король воздуха

Она была очень хорошенькая. Представьте себе длинное гибкое тельце, покрытое золотистой шерстью, посреди которой вдоль спины шла в виде ленты узкая длинная полоса. Умные зеленые глазки с поминутно расширяющимися зрачками и круглая мордочка, из которой временами высовывался острый, как жало, розовый язычок. Самое имя её, Милка, как нельзя более подходило к хорошенькому зверьку.

Милку привезла в пансион Карлуша, и прелестная кошечка составляла радость и гордость горбатой девочки. Не было худшей обиды для Карлуши, как обидеть её любимицу. Милку подарил Карлуше её отец, который вскоре после этого умер и немудрено поэтому, что маленькая горбунья всем своим сердцем привязалась к его живому подарку. Милка спала в дортуаре в постели девочки, ела из одной тарелки с ней и бросалась со всех ног навстречу Карлуше.

Господин Орлик разрешил горбатенькой Вавиловой держать кошку при себе из жалости к обиженной судьбой девочке.

И вдруг Милка пропала. Пропала бесследно. Ее искали всюду: и в кухне, и в дортуаре, и в классной. Малютка или

Ниночка Рузой, которая, по словам Красавицы, могла влезть даже в наперсток, по причине своего маленького роста, влезла в буфет и обшарила там все полки, стараясь найти Милку, которую любили все без исключения – и воспитанницы, и начальство.

Карлуша плакала. Остальные ходили, понуря головы; даже Настасья Аполлоновна меньше сердилась на девочек и реже покрикивала на них из уважения к общему несчастью.

Одна Тася была весела по-прежнему. Дело в том, что Тася поссорилась очень недавно с Карлушей.

Маленькая горбунья отлично знала языки и в совершенстве говорила по-французски и по-немецки. Тася тоже очень недурно владела тем и другим языком. М-лле Орлик, дававшая уроки языков в пансионе, ставила еженедельно отметки по этому предмету. У Таси оказалась на этот раз отметка значительно хуже, нежели у Карлуши.

Маленькая горбунья не могла не уколоть Тасю этим.

– Ах, ты, француженка! – усмехнулась она, – а еще хвалилась, что лучше всех нас знаешь по-французски.

– И знаю! – огрызнулась Тася.

– Ну, не очеиь-то велико твое знание!

– Отстань! – и Тася толкнула горбатую девочку.

– Не смей толкаться! – рассердилась та.

Тогда Тася толкнула Карлушу вторично. М-лле Орлик видела всю эту сцену.

– Стогунцева, подойдите сюда! – позвала она Тасю, и, ко-

гда она подошла, произнесла строго:

– У нас не принято толкаться в пансионе. Это доказывает одну невоспитанность и грубость. Поэтому не угодно ли будет вам в наказание выучить немецкие стихи, пока дети будут совершать послеобеденную прогулку.

Это было строгое наказание, так как девочек водили гулять по лучшим улицам города, а иной раз в городской сад, где всегда играла военная музыка и где было шумно и весело.

Тася очень любила такие прогулки.

– Если виновата я, – виновата и Вавилова, – звенящим слезами голосом поясняла она директрисе.

– Толкались вы, а не Вавилова, – отвечала неумолимая м-лле Орлиик, – и поэтому будете наказаны вы, а не она.

– Что, досталось на орехи! Ага, будешь толкаться, – успела шепнуть Карлуша Тасе.

– Противная горбунья! – буркнула она, – терпеть тебя не могу! Пусть меня наказали, уж и ты останешься довольна. Будет тебе праздник!

Но Карлуша не слышала последних слов рассерженной не на шутку девочки и побежала, подпрыгивая на ходу, в прихожую, где одевались остальные пансионерки и откуда раздавался звонкий голосок Ярышки, кричавшей Тасе:

– Ты ие горюй, Стогунцева, с тобой Милка останется и Мавра. Ничего, что Милка кошка, а Мавра глухая тетеря. За неимением лучшего будь довольна и этим обществом!

– Противные, – прошептала сквозь слезы Тася, готовая

расплакаться навзрыд.

Тася долго смотрела в окно, пока вереница пансионерок не скрылась за углом.

Какие они были веселые! Как разрумянились и оживились на свежем осеннем воздухе их детские лица.

– Противные! Гадкие! – злобно шептала Тася, глядя им вслед, – ненавижу вас всех, ненавижу за то, что вы обижаете Тасю, за то, что вам нет дела до неё. Бедная Тася! Бедная Тася! – и она смотрела в окно на опустевшую улицу затуманенными от слез глазами.

И вдруг взгляд её упал на странную фигурку, стоявшую перед окном, Это был мальчик лет двенадцати, смуглый, черноволосый, с лукаво бегающим во все стороны взором. Он смотрел во все глаза на Тасю и смеялся. Что-то неприятное и отталкивающее было в его лице. Видя, что сидевшая на подоконнике девочка обратила на него внимание, он запустил руку в карман и, вытащив оттуда что-то серое и маленькое, посадил к себе на плечо. Тася увидела, что это был совсем ручной серенький мышонок.

Почувствовав себя на свободе, зверек и не думал убегать и преспокойно терся мордочкой о смуглую шею черноглазого мальчика.

Это так заинтересовало Тасю, что она в одну минуту вспрыгнула на окно и, открыв форточку, высунула из неё голову.

– Эй, ты, мальчишка! – крикнула она, – что это у тебя?

– Разве ты не видишь что? – закричал в свою очередь мальчик, – ручной мышонок.

– Во-первых, не смей мне говорить ты: я барышня, – неожиданно оборвала его девочка.

– Барышня! – расхохотался мальчишка, – велика штука барышня! А я вот король да и то говорю с тобой!

– Король? – изумилась Тася.

– Да, «Царь фокусов», или «Электрический мальчик», или «Истребитель шпаг», или «Король воздуха», – так и посыпал он названиями и присовокупил через минуту: – видишь, сколько у меня прозвищ!

– А мышонок чей же? – все больше изумлялась девочка.

– Мышонок мой! Он дрессированный. У нас не только мыши, но и кошки дрессированные есть, и собаки, и даже змея.

– Змея! – с ужасом произнесла Тася.

– Ну, понятно, змея. Чего ты испугалась, глупая девочка? Что это у тебя? – неожиданно ткнул он пальцем по направлению окна.

Тася оглянулась в свою очередь. Около её ног терлась Милка, незаметно подкрадываясь к ней и вспрыгнувшая на подоконник.

– Это кошка! – беря Милку на руки, отвечала Тася.

– Вижу, что кошка, а не корова! – расхохотался мальчик, – и красивая кошка, я тебе скажу. Таких мне видеть не приходилось. Вот что: дай ты мне ее.

– Это не моя кошка, чужая! – произнесла Тася. – Эта кошка Карлушина.

– Чья?

– Карлушина. У нас такая девочка есть. Злая-презлая. Горбунья. Так вот Милка её.

– Злая, говоришь?

– Ужасно. Из-за неё меня наказали! Все ушли гулять на музыку, а меня дома оставили.

– Из-за неё?

– Да.

– Гак чего ж тебе жалеть ее, – снова расхохотался мальчик и подмигнул своими черными глазами, – тебя за нее наказали, а ты ее накажи!

– Как? – не поняла Тася?

– Очень просто: отдай мне её кошку. Ведь горбунья ее очень любит, и если ты ее мне подаришь, твоей горбунье больно будет. Вот ты и отмстишь таким образом.

– Чужое брать грешно, – нерешительно заикнулась Тася.

– Ишь ты! Впрочем, как хочешь. Не желаешь отдать мне эту кошку и не надо. Прощай. Мне еще на музыку поспеть надо. Сегодня музыка в саду особенная, с платой за вход: наш хозяин дает в городском саду представление.

– Какой хозяин?

– Наш хозяин, хозяин труппы фокусников. Собак, мышей дрессированных показывать будем, змею. Потом я на проволоке ходить буду. Это отделение «Король воздуха» называ-

ется. И шпаги глотать... Возьму длинную, острую шпагу и в горло ее себе пропущу.

– Ах, как интересно! – вскричала Тася, – а они, гадкие, меня оставили дома, и я ничего не увижу! – и слезы брызнули из её глаз.

– А потом Розка плясать будет. Платье все в блестках, звезда в волосах, и она пляшет. Розка пляшет, а музыка жарит. Тра-ла-ла! Трум! Тум! Тум!

– Ах, я несчастная! – прошептала Тася.

Ей так живо представилось, как играет музыка, как пляшет неведомая Розка, как прыгают дрессированные собаки, что слезы сильнее заструились по её печальному лицу.

«И все из-за Карлушки! Все из-за этой гадкой девчонки! – мысленно повторяла она. – Ох, уж эта Карлушка! Если б ей досадить хорошенько за всё За всё!»

И вдруг слезы её разом пресеклись. Она быстро вытерла глаза и решительно проговорила, обращаясь к мальчику:

– Бери Милку. Ты прав. Надо наказать Карлушку.

Взяв кошку за шиворот, Тася подняла ее в уровень с форточкой и быстрым движением выбросила за окно прямо в подставленные руки черноглазого мальчика.

– Вот это дело! – вскричал тот, с настоящей ловкостью фокусника подхватывая на лету Милку. Ну, прощай покуда. Мне идти надо, а то от хозяина попадет, если к своему выходу опоздаю. А пока слушай, что я тебе скажу: у нас жизнь веселая. И пляшем да кувыркаемся. То ли дело! А у вас, как

я погляжу, ни свободы, ни радости. Ты к нам приходи в случае чего. А то одной Розке не справиться. Право, поступай к нам в труппу.

– А как же я уйду отсюда? – спросила Тася, которой очень понравилось плясать и прыгать или дрессировать животных.

– Да очень просто. Наш балаган на площади. А живем мы в слободе за городом. Да я тут каждый вечер собак прогуливаю после десяти часов, когда нет представления. Ты возьми да и выйди ко мне, а я тебя мигом к хозяину доставлю.

– Хорошо, я подумаю! – проговорила Тася.

– Чего тут еще думать? Взяла – и ушла. У нас, говорю, весело.

И с этими словами мальчик кивнул головой и, спрятав под полу куртки Милку, беспечно посвистывая, отошел от окна и зашагал по улице.

Тася захлопнула форточку и спрыгнула с подоконника.

В этот вечер вернувшиеся из сада пансионерки хватились Милки и бросились искать ее.

Ночью Тася не сомкнула глаз ни на минуту. Она долго ворочалась в постели, стараясь уснуть, переворачивая по нескольку раз подушку, и все-таки сон бежал от неё. Кто-то точно шептал в глубине её сердца: «Нехорошо ты поступила, Тася! Нехорошо! Взять чужое – значит украсть. Что бы сказала мама, если б узнала поступок своей девочки? Как бы тяжело и больно было узнать это! Ах, Тася! Ты ли это сделала?»

Сердце сильно стучало в груди девочки. Лицо её пылало, как в огне. В душе нарастало тяжелое, гнетущее чувство раскаяния. Тася была несчастна. Она сознавала, как дурен и недостойн был её сегодняшний поступок.

Глава XVII

Карлуша переродилась. – Суд господин Орлика

Едва только Тася забылась тяжелым неприятным сном, как услышала, что кто-то тихо называет ее по имени. Она открыла глаза и села на постели. Перед ней стояла Карлуша.

– Что тебе надо? – грубо окликнула Тася горбунью.

– Ты не сердись... Я не со злобой пришла к тебе, Стогунцева, – тихо зашептала та, и Тася не узнала обычно раздраженного и сердитого голоса Вавиловой. – Ты не сердись... Я пришла прощения у тебя попросить, Стогунцева... – срываясь на каждом слове, продолжала Карлуша. – Я перед тобой много виновата. Все дразню тебя... задираю. Это нехорошо. Меня Бог верно за это наказал. Милка пропала. Папина Милка. Мое единственное счастье, единственная радость в пансионе. Ведь я сирота, Тася. Папа у меня недавно умер... Перед смертью Милку и подарил. Ах, Господи, как я Милку любила! А она пропала... Оттого, что злая я была – тебя обижала и всех... Ах, как тяжело мне, если бы ты знала!

Голос Карлуши внезапно прервался и Тася услышала тихое рыдание, вырывавшееся из груди горбуньи.

Точно раскаленные иглы впивались в сердце Таси при виде этой убитой горем девочки, этих неизъяснимо печальных

глаз.

«Вот она какая! А я-то! А я! С Милкой что я сделала!» – мысленно с ужасом прошептала Тася, и еще более острое раскаяние засосало все существо девочки.

А Карлуша между тем продолжала, всхлипывая:

– Сегодня я долго спать не могла и все думала: почему мы не дружно живем, почему ссоримся? Ведь все мы далеко от родных здесь, из разных сторон, как птички слетелись. Вот бы и жить согласно и дружно. А мы – то друг друга дразним, то наставников сердим. Это нехорошо. Они заботятся о нас. И господин Орлик, и сестра его, и Сова... Да, все мы недобрые, насмешливые. Одна только Дуся, как ангел, да Маргариточка, а другие зато... А я хуже всех была! На всех злилась, всех ненавидела, точно виноваты все в том, что я калек горбатая. Вот Бог и наказал. Пропала Милка, а папочка ее с такой любовью мне подарил! Он уж больной тогда был, папочка. Бледный такой, еле ноги передвигал, а сам все меня ласкает: «Как-то ты после меня, моя деточка, останешься, – говорит, – бедняжечка моя»... Жалко ему меня было... Бедный, бедный папочка! Как он страдал! А я и подарка его сберечь не сумела. Гадкая, дурная, поделом мне! Вперед уж не буду такой. Постараюсь исправиться хорошей быть, доброй. Если виновата перед кем, прощение выпрошу. Вот и к тебе пришла. Прости, Бога ради, Тася, милая, – и с трудом сдерживая глухое рыданье, чтобы не разбудить нм спящих девочек, горбатенькая Карлуша скользнула от Тасиной кро-

вати и бросилась в свою постель.

Тася зарылась с головой в подушку. В голове её стучало, точно огромный молот ударял в нее. И маленькое сердечко билось сильно и тревожно. «Прости ради Бога, Тася, милая», – слышался ей на разные лады голос Карлуши, – той самой Карлуши, перед которой так виновата она – Тася!

На одну минуту в голове девочки мелькнула мысль: вернуть Карлушу, покаяться перед ней во всем, выпросить у неё прощение. Но, с другой стороны, боязнь, что горбунья пожалуется, и страх перед наказанием удерживали Тасю.

Совершенно разбитая мучениями совести уснула она только под утро тяжелым, беспокойным сном.

* * *

Со дня пропажи Милки Тася не находила себе покоя. Проснувшаяся совесть грызла сердце девочки. Ей было жаль и горбунью Карлушу, и саму Милку. Она даже в лице осунулась, побледнела, похудела и глаза её приняли беспокойное выражение.

– Ты больна, Тася? – спрашивала Стогунцеву её новая подруга Дуся, испытующе взглядывая на девочку своими ласковыми и пронизательными глазами.

– Ах, отстань пожалуйста, – с напускным неудовольствием говорила Тася, густо краснея и тщательно избегая взгляда Горской.

Та только головой покачивала, очевидно догадываясь, что Тася тщательно скрывает от неё что-то.

И вдруг Милка нашлась! Нашлась самым неожиданным образом, недели через две после описанных событий. Старшие девочки под начальством m-lle Орлик побывали как-то раз в балагане и увидели там Милку. Милка прыгала через обруч и изображала часового, стоя на сцене с крошечным ружьем.

– Милка! Милка! – позвала Маргарита, и четвероногий часовой, позабыв свои обязанности, бросил ружье и, подняв хвост, бросился в ложу, где сидели девочки, прямо на колени Вронской. Тогда m-lle Орлик попросила вызвать старшего фокусника, что бы узнать, откуда у него кошка. Явился неприятного вида, нечистоплотный господин и сказал, что кошка его, что он привез ее с собой из Петербурга и что не отдаст её ни за какие деньги.

Когда же m-lle Орлик очень серьезно заявила ему, что кошка принадлежит одной из пансионеров и что ее украли у них из пансиона и пригрозила полицией, – хозяин балагана видимо смешался и сказал, что он ничего не знает, и что кошку ему принес его ученик «Король воздуха», за которым и послал тотчас же. Явился знакомый уже читателям черноглазый мальчик, одетый в какие-то яркие, обшитые позументами, тряпки, и заявил на расспросы надзирательницы, что кошку он не украл, а что ему подарила ее одна девочка-пансионерка, которую он видел две недели тому назад в окне.

– Он лжет! Он лжет! Он сам украл Милку и только боится признаться, – шепотом произнесла Маргарита на ухо Анне Андреевне.

Но как ни тихо говорила девочка, а черноглазый мальчик расслышал её слова.

– Зачем лгать! – беспечно сказал он, пожимая плечами, – кошку дала мне маленькая девочка, которая была зла на горбатую пансионерку за то, что ее наказали без гулянья. Горбатую зовут Карлуша, кошку – Милка; если она ваша – берите ее... Без полиции берите. А я больше ничего не знаю.

– А как выглядела та девочка в окне? – спросила m-lle Орлик маленького акробата.

Тот тотчас же нарисовал ей наружность Таси.

– Черные глаза... Черные кудри... Румяное личико... Словом, красивая девочка, которая может служить украшением цирка.

– Сомнений нет! Это Стогунцева! – произнесла m-lle Орлик тихо.

– Это Тася! – подтвердили девочки.

Они дали акробату за кошку рубль и, взяв Милку поспешили домой, совершенно не интересуясь окончанием представления.

Появление Милки произвело ужасную суматоху. Все девочки всполошились. Карлуша с рыданьем бросилась обнимать свою любимицу.

– Это мне в награду за то, что я старалась хорошо себя

вести все это время и не ссориться ни с кем – вот покойный папа и послал мне радость, – говорила она, смеясь и плача в одно и то же время.

Девочки наперерыв ласкали Милку и радовались не меньше Карлуши. Одна только Тася не разделяла общего оживления. При виде Милки она густо покраснела и незаметно выскользнула из комнаты, чтобы девочки не могли увидеть её смущенного лица. Старшие девочки к тому же все время испытующе поглядывали на нее, и это еще более смущало Тасю. Между тем m-лле Орлик, вернувшись из цирка, прямо прошла в комнату брата, где они долго совещались о чем-то.

Девочки ходили торжественные и притихшие, зная, что это совещание является неспроста, и что их ждет что-нибудь, новое и необычайное. Наконец, ровно в девять часов вечера, когда большой колокол ударил свой обычный призыв к чаю, двери директорской комнаты распахнулись, и господин Орлик вышел в столовую, где находились пансионерки. В руках он нес большой темный мешок, перевязанный бечевкой. Лицо директора было сухо и серьезно.

– Дети! – начал Василий Андреевич торжественным голосом. – Дети! До сих пор у нас в пансионе были шалости, детские проказы, непослушание и капризы. Но теперь появилась новая дурная черта – мстительность. Кто-то из вас рассердился на Вавилову и очень дурно поступил с ней, отдав её кошку в чужие руки. Очевидно, тот, кто сделал это, совершенно позабыл, что распорядиться без спросу чужой

собственностью – это то же самое, что взять без спросу или украсть. А это еще худший порок, нежели мстительность, и должен быть строго наказан. Повторяю, дети, между вами не может быть воровки. В этом я уверен. Девочка, сделавшая это, просто не обдумала хорошенько своего поступка, и поэтому я прошу ее сознаться. Сознание снимает уже половину вины. «Повинную голову меч не сечет», – говорит русская пословица. И так, дети, я жду. Пусть виновная назовет себя и этим уменьшит свою вину перед всеми.

Господин Орлик кончил свою речь и теперь стоял в выжидательной позе, не выпуская из рук своего странного мешка. Девочки переглядывались и молчали. Маргарита Вронская и графиня Стэлла, бывшие в балагане и знавшие истину, изредка взглядывали на Тасю.

Но и Тася молчала, хотя все лицо её покрывалось пятнами, а глаза бегали, как у пойманного зверька.

«Нет! Нет! Ни за что я не сознаюсь! – думала она. – Назвать себя перед целым пансионом, чтобы сгореть со стыда на месте, чтобы потом терпеть насмешки и попреки! Терпеть, может быть, строгое наказание, долгое заключение в темном карцере! О, нет! Это уже слишком! Я не признаюсь ни за что! Ни за что!»

И она упорно молчала, не смея поднять глаз на господина Орлика. Молчали и остальные. Так длилось пять минут, не больше, но эти пять минут показались за целый час и директору, и пансионеркам. Наконец, господин Орлик прервал

это тяжелое, гнетущее молчание: – Так как виновная не хочет сознаться, – заговорил он снова, – то придется прибегнуть к справедливому решению судьбы. В этом мешке, – и он поднял странный мешок над головой, – двенадцать билетиков. Одиннадцать из них совершенно чистые, двенадцатый с надписью: «Она виновна». Каждая из вас опустит руку в мешок и вытащит билетик. Судьба справедлива, и она не допустит, чтобы правая оказалась виноватой и наоборот. Билетик с надписью попадет в руки настоящей виновной. А теперь я потушу лампу – это необходимо сделать до поры до времени. Только прежде встаньте все в шеренгу и, подходя по одной к мешку, называйте свое имя.

Произнеся это, господин Орлик подождал, пока девочки не исполнят его приказания и потом потушил свет.

В комнате наступила темнота. Только догорающий огонек лампы, зажженной у киота, перед которым обычно молились пансионерки, обливал своим дрожащим, чуть заметным светом фигуру господин Орлика с мешком и вереницу, состоящую из двенадцати девочек.

Впереди шли старшие. Маргарита Вронская первая подошла к мешку и смело опустила в него руку, назвав свое имя.

За ней приблизилась графиня Стэлла. Потом подошла Маруся Васильева. Эта, никогда не унывающая шалунья-девочка, и тут оказалась верна своему шаловливому характеру: даже при таких торжественных обстоятельствах она не удержалась, чтобы не выкинуть обычной шутки.

– Мяу! Мяу! – промяукала она в комнате.

– Васильева, – строго произнес господин Орлик, – как вам не стыдно паясничать в такую минуту!

– Простите, Василий Андреевич, – сконфуженно оправдывалась Коташка.

За ней подошли две сестрицы Зайка и Лиска. Они так привыкли делать все сообща, что и теперь захотели обе в одно и то же время запустить руки в мешок. Но господин Орлик вовремя предупредил, что этого нельзя, и девочки покорились ему со вздохом. С Гусыней произошло некоторое замешательство. Машенька Степанович подошла к мешку вплотную и стояла перед ним, в неизъяснимом ужасе глядя на директора.

– Берите же, Степанович! Вы задерживаете остальных, – произнес господин Орлик, видя нерешительность девочки.

– Ай, не могу! – так и встрепенулась Машенька. – Ей Богу же не могу! Хоть зарежьте, не могу. Я туда суну руку-то, а как он оттуда шасть...

– Кто? – в один голос спросили девочки.

– Да тот, кто в мешке спрятан! – в ужасе прошептала глупенькая Машенька.

– Успокойтесь, Степанович! В мешке никого нет, – произнес господин Орлик, едва удерживаясь от улыбки, которая, впрочем, вряд ли бы была заметна впотьмах.

– Ай, Ай! – запустив было руку в мешок и снова в ужасе отдергивая ее, вскричала Машенька, – ай, не могу! Боюсь!

Кое-кто из девочек фыркнул, несмотря на торжественность минуты.

Едва-едва уговорили Машеньку взять из мешка билетик.

Вслед за Ниночкой Рузой, между ней и Берг, подходила Тася. Не спокойно было на душе девочки, и чем ближе приближалась она к злополучному мешку, тем сердце её билось чаще и сильнее. Ей казалось невысказанным запустить туда руку и вынуть билетик. Она была заранее уверена, что судьба справедливо накажет ее, Тасю, и даст узнать её вину.

Робко приблизилась девочка к директору и, постояв секунду перед ним, скользнула пальцами по мешку, но руку в него опустить не решилась. Она точно боялась, что ненавистный билетик сам приклеится к её пальцам и таким образом уличит ее. Потом, как ни в чем не бывало, она отошла к группе подруг, уже взявших билетик.

– Ну-с, кажется, все подходили? – произнес в темноте голос Василия Андреевича, когда последняя из девочек, Пчелка, отошла от него.

– Все! – хором отвечали девочки.

– Осветите столовую, – снова произнес господин Орлик.

Самая высокая из пансионеров, Маргарита Вронская, встала на табурет и зажгла висевшую над столом лампу. В комнате стало по-прежнему светло.

– Поднимите руки, каждая ту, которой брала билет! – снова скомандовал господин Орлик.

Девочки повиновались. И тут же легкий крик изумления

вырвался из груди всех присутствующих. Каждая рука, державшая билетик, была черна, как у трубочиста, и только одна из них была бела и чиста по-прежнему и резко отличалась своей белизной от остальных.

В белой руке не было билетика. Она принадлежала Тасе.

Глава XVIII

Белая рука. – Нечистая совесть. – Тася убежала

У белой руки должна быть нечистая совесть, – проговорил господин Орлик, направляя в лицо Таси свой пронизательный взгляд. Тася, вся красная, как пион, с потупленными глазами, кусала губы и переминалась с ноги на ногу.

– Я не буду наказывать вас, – произнес господин Орлик грустным голосом, – вы уже достаточно наказаны и угрызениями совести, и этими минутами стыда перед подружками и мной. Бог с вами. Пусть это послужит вам хорошим уроком и раз навсегда предостережет от всего дурного.

И, сказав это, директор пансиона вышел из столовой, оставив детей одних. В ту же минуту пансионерки зажужжали и засуетились, как шумный рой пчелок.

– Нехорошо, Стогунцева! Стыдно, Стогунцева! – слышалось здесь и там.

– Отстаньте! – сердито крикнула Тася, злобно глядя исподлобья на девочек. – Отстаньте от меня.

– Не кричи, пожалуйста! – проговорила строгим голосом Красавица, – мы и не думаем приставать к тебе; мы только высказали наше неудовольствие и теперь и знать не хотим такую дурную девочку.

– Сами вы дурные! Не очень-то я нуждаюсь в вашем обществе. Мне только Дуся нужна. Я одну Дусю люблю, а вас всех ненавижу, – все громче и громче кричала Тася и вдруг, увидя в стороне белокурую Горскую, обратилась к ней, – пойд ко мне, Дуся. Я хочу быть только с тобой, а их мне не надо, – заключила она, кивнув на остальных девочек, – я ненавижу их!

Но каково было её изумление, когда Дуся в ответ на её слова только покачала своей милой головой и, глядя на Тасю с укором своими ясными, честными глазками, сказала громко:

– Нет, Стогунцева, я не пойду к тебе. Я заступалась за тебя тогда, когда считала тебя хорошей, а теперь... Теперь я вижу, что ты дурная и пока не узнаю, что ты исправилась, не буду твоей подругой.

И она, обняв Карлушу, отошла от Таси при общем сочувствии девочек.

– Так, Дуся! Справедливо, Дуся! Хорошо, Дуся! – кричали они.

Тася пожала плечами и, фыркнув что-то себе под нос, поспешила уйти от них. Ей было невыразимо тяжело и неприятно. Она прошла в классную и уселась на том самом окне, где сидела недели две тому назад, переговариваясь с маленьким фокусником.

Уже давно прозвучал колокол, призывающий пансионеров ко сну, давно стихли голоса в пансионе, Тася все сидела

и думала свою горькую думу.

– Не хотят меня – и не надо! – упрямо твердила девочка, – я их и сама не хочу и мне они не нужны тоже. И без них проживу прекрасно. Что за важность, что Дуся меня бросила. Дуся – гордячка. Я её не люблю больше. Воображает, что лучше всех. И зачем мама отдала меня сюда! Здесь только мучают бедную Тасю! Сердятся! Бранятся! Наказывают... «Исправься, а потом я вернусь к тебе», – зло передразнила она Дусю. – Очень нужно! Мне и так хорошо. Вот назло не исправлюсь ни капельки. Меня не хотят, и я никого не хочу. Возьму и уйду от их всех. Да, уйду. Воображаю, как они все испугаются, забегают. Где Тася? Не видели Таси? А Тася тью-тью. И след простыл. Мама будет плакать и говорить: «Ах, зачем я отдала Тасю из дома!» И Леночка будет плакать, и няня, и Маня, и Дуся, и Карлуша, и даже Сова. Все будут укорять друг друга, что не умели обращаться с Тасей, и когда всем будет тяжело, очень тяжело, – Тася вернется и скажет: «А вот и я! Вам было тяжело и грустно без меня и я вернулась. Но только за это вы все должны делать все, что я хочу, и баловать меня одну». И все согласятся и будут очень рады возвращению Таси. Но только куда уйти – вот вопрос?

И так глубоко задумалась Тася над этим, что не заметила, как прямо против окна остановился тот самый мальчуган, которому она передала две недели тому назад Милку. Он долго стоял перед окошком, всячески стараясь обратить на себя внимание девочки, но, видя, что та так погружена в

свои мысли, что не видит его, поднял кусок обмерзлой земли с улицы и бросил его в окно.

– Трах! – прозвучало что-то над головой Таши. Она вздрогнула и подняла глаза.

– Здравствуй! – неожиданно обрадовалась она, увидя мальчика.

Вдруг Тася вся вздрогнула от внезапно промелькнувшей в её голове мысли:

«Если уйти – так туда, к нему, к черноглазому мальчику и его хозяину. У них превеселое житье. Пляшут, показывают фокусы, ходят по проволоке, дрессируют зверей. О, как все это весело и интересно! И никто не требует от них знания французского языка и других уроков! И всегда музыка и шум. Вот там она, Тася, и отдохнет вволю от несносной пансионской жизни. И время проведет весело и напугает всех хорошенько. А когда ей надоест эта жизнь – она снова вернется в пансион. Что может быть лучше и интереснее? Как это она не догадалась раньше!»

И, не долго думая, девочка приоткрыла форточку и звонким шепотом обратилась к мальчугану:

– Знаешь... Я надумала. Я с тобой уйду. Я тоже хочу плясать и выводить дрессированных собачек!

– Молодец! Ай да девочка! – одобрил ее тот. – А знаешь, ведь я угадал, что так будет, и собак с собой не взял. А то бы они шум подняли. Ваши у нас в балагане были сегодня и кошку отобрали. Хозяин страх сердится. И говорит: «при-

веди девчонку», Это тебя то есть. Кошки они пожалели, девочку потеряют. Ну, скорее собирайся. Спят у вас?

– Спят!

– Так выходи скорее, пока никто не проснулся.

– Сейчас. Жди меня за углом.

И быстро соскочив с окна Тася на цыпочках проскользнула в прихожую. Отыскать пальто и капор среди висевшей на вешалке одежды пансионеров, быстро накинуть на себя то и другое, неслышно подкрасться к двери, приотворить ее и проскользнуть на крыльцо – было для Таси делом двух-трех минут, не больше.

Ноябрьский холодный воздух сразу охватил девочку. Она, поеживаясь и подпрыгивая на ходу, спустилась с крыльца и побежала по улице, мимо неосвещенных окон пансиона. Повернув за угол, она лицом к лицу столкнулась с поджидавшим ее маленьким фокусником.

– Ну, вот и я! Веди меня к твоему хозяину! – вскричала Тася весело.

И дети, взявшись за руки, чуть не бегом пустились в путь.

Глава XIX

Новые знакомые

Они шли долго, очень долго. Дорогой мальчик успел сообщить, что его зовут Петькой, а что его сестру звали прежде Зиной, но хозяин велел называть ее Розой. А его зовет «Король воздуха» и что такого, как он, Петька – другого нет мальчика в целом свете. И хозяин знает это и очень дорожит им. И Розкой дорожит, потому что Розка отлично умеет потешать публику своими танцами. А зато Андрюшку терпеть не может; Андрюшка ужасный неженка и такой неловкий, что постоянно падает, а этого нельзя допустить во время представления, потому что публика приходит в балаган, чтобы веселиться, а не видеть ушибы и увечья, да грустные лица исполнителей.

Болтая таким образом дети незаметно дошли до самого края города и вступили в пригородную слободку, где жили только бедные обыватели.

– Ну, вот мы и дома! – проговорил Петька, когда они подошли к небольшому домику, стоявшему несколько в стороне от других строений.

– Тут вы и показываете фокусы? – поинтересовалась Тася.

– Вот-то глупая! – расхохотался самым неожиданным образом Петька, – ишь, что выдумала! Балаган, где мы работа-

ем, далеко отсюда, он стоит на площади посреди города, а это квартира наша. Понимаешь?

Тася сказала, что поняла, и оба перешагнули порог дома, похожего на избушку.

В маленькой, грязной, закоптелой комнате вокруг деревянного стола сидели двое мужчин и девочка приблизительно одного возраста с Тасей. Старший из присутствующих был высокий плотный брюнет с седой бородой и недобрым выражением черных выпуклых глаз. Вторым был юноша, почти мальчик лет шестнадцати, с таким бледным, измученным и худым лицом, какое бывает только разве у тяжелобольных. Два ярко-красных пятна нездорового румянца горели на его исхудалых щеках. Девочка была бы очень красива, если бы не неприятное выражение её лукавых темных глаз, плутовато разбегающихся в разные стороны. Она была поразительно похожа на Петьку.

– Ага! Добро пожаловать! – произнес старший из присутствующих, шумно отодвигая свой стул, и, бросив быстрый взгляд на Тасю, добавил недовольным голосом: – ай да и худа же она, да и мала! Ну, незавидную же птицу привел ты мне, Петька. Финтифлюшка какая-то! Только и всего.

– Вовсе я не финтифлюшка, а Тася! – вспыхнула девочка.

– Вот мы как! – громко расхохотался хозяин и все его огромное тело заколыхалось в разные стороны, – так вот как! Скажите, пожалуйста, обидели ваше сиятельство! Не финтифлюшка они, изволите видеть, а Тася... Принцесса какая

выискала, видали такую? – обратился он к девочке.

Та захихикала, закрывая рот рукой.

– Не смейте смеяться надо мной! – проговорила, вся дрожа от негодования и обиды, Тася, и слезы брызнули из её глаз.

– Ну! Ну! Поговори у меня! – вдруг загремел на всю комнату страшный бас хозяина, – я тебя вышколою живо. Раз навсегда заруби ты у себя на носу, заморыш: что бы ни говорил тебе хозяин – молчи! Ни слова чтобы у меня не пикнуть, а то берегись!

При этом грозном окрике Тася вздрогнула всем телом и невольно попятилась к двери. Какое-то болезненное предчувствие чего-то дурного впервые заговорило в её сердце. Она шла сюда, в надежде найти здесь веселье, смех и постоянный праздник – и вдруг, вместо всего этого, закоптелая избенка, скудный ужин в виде холодной похлебки и каровая хлеба на столе, и этот страшный хозяин, один вид которого способен привести в ужас даже такую бесстрашную девочку, какой себя считала до сих пор Тася. Ее неудержимо потянуло назад к прежней тихой обстановке пансиона, где никогда не кричали ни директор, ни надзирательница, и где, если ее и наказывали, то по заслугам, когда она заслуживал этого. Нет, нет, она была тысячу раз не права, что убежала оттуда. Слава Богу, что еще не поздно, и она успеет вернуться в пансион, пока её там еще не хватились.

– Послушайте! – произнесла девочка робким, нерешитель-

тельным голосом, каким еще никогда не говорила ни с кем, – мне здесь у вас не нравится. Грязно здесь и неудобно. Я не останусь с вами. Скверно у вас. Я в пансион вернусь. Распорядитесь, чтобы меня туда проводили.

Едва она успела договорить последнюю фразу, как вся избушка точно ходуном пошла от громкого взрыва хохота, который, казалось, потряс самые стены крошечного помещения. Хозяин хохотал во весь свой богатырский голос, держась за бока, раскачиваясь из стороны в сторону; ему вторил Петька, вертясь волчком на одном месте, и, наконец, красивая Роза пронзительно подвизгивала, хихикая себе под нос и утирая слезы смеха, выступившие ей на глаза. Один бледнолицый мальчик не смеялся. Он молча смотрел во все глаза на Тасю, и в глубине этих добрых голубых глаз виднелось столько сочувствия, доброты и ласки...

Тася подождала, пока хохот стих немного, и проговорила уже без всякой робости и замешательства, как бы ободренная этим смехом.

– Я не понимаю, чего тут смеяться! – пожимая плечами, произнесла она, – я хочу обратно домой и требую, чтобы меня туда проводили.

– Требуешь? – так и выпучил на нее глаза хозяин и снова залился своим раскатистым смехом. – Ишь, ты! «требую», – всхлипывая от обуявшего его хохота, с трудом выговаривал он, «требую!» Вот принцесса какая выискалась! Извините, ваша светлость, не смастерили еще тот экипаж, который бы

отвез вас в пансион обратно.

– Но я хочу домой! – нетерпеливо вскричала Тася и топнула ногой.

И вдруг смех разом прекратился. Огромный хозяин грозно взглянул на девочку. Глаза его загорелись злобой.

– Слушай, ты! – крикнул он своим грубым голосом, – не глупи! Домой ты не пойдешь, а останешься у меня, в моей труппе, благо она не велика, как сама видишь. Я научу тебя всяким штукам, а ты мне поможешь зарабатывать деньги, как Петька, Роза и Андрей. Вот тебе мое последнее слово.

– Нет! Я хочу домой! Домой! Хочу! Хочу! Сию минуту! – вдруг расплакалась во весь голос Тася. – Отпустите меня домой! Я не останусь с вами! Ни за что на свете!

Она топала ногами, махала руками и кричала так, точно ее режут. Потом, видя, что никто не слушает её стонов и не думает везти ее домой, Тася с быстротой молнии бросилась к двери и, широко распахнув ее, готовилась убежать отсюда без оглядки, как вдруг громкий крик испуга вырвался из её груди. Три большие лохматые зверя с грозным рычанием бросились к девочке. Это были три огромные собаки, которыми господин Злыбин, так звали хозяина-фокусника, потешал публику.

– Что, испугалась? – рассмеялся он, когда насмерть перепуганная девочка кинулась к нему же, ища его защиты. – Так-то лучше! А то: «уйду, да уйду». Ну, куда тебе уйти от меня, заморыш? Ты никуда не уйдешь! Слышишь? Вон те

звери, Бижу, Ами и Трезорка, все равно догонят тебя. Они мои верные друзья и слушаются меня беспрекословно. Догонят и искусают до полусмерти. Не советую тебе и пробовать убежать... А то придется, пожалуй, помимо собак, познакомиться с этой игрушкой! – и с последними словами Злыбин снял со стены хлыст и, изогнув его изо всей силы стегнул им воздух.

Послышался легкий, короткий свист. Собаки разом поджали хвосты и убралась в сени. Им была, очевидно, хорошо знакома эта игрушка их хозяина.

– Ну-с, теперь, я думаю, у тебя отбило всякую охоту бежать от нас? – насмешливо проговорил хозяин, обращаясь к Тасе. – Есть хочешь?

Тася, дрожавшая теперь как в лихорадке, не чувствовала ни малейшей охоты к еде. Она отрицательно покачала головой, не найдя в себе силы ответить на вопрос страшного человека.

– Ну, не хочешь, и не надо, нам же больше останется! – грубо засмеялся тот. Затем, обратившись к Петьке, все время с большим вниманием вместе с Розой наблюдавшему всю эту сцену, он сказал: – Отведи-ка их светлость в каморку и прищелкни дверцу хорошенько, чтобы птичка снова не подумала вылететь из клетки.

– Ладно! – коротко ответил тот и, подойдя к Тасе, крикнул резко: – Ну, идем! Слышала, что сказал хозяин?

И, грубо схватив девочку за руку, он потащил ее куда-то

в сени. Вслед затем скрипнула какая-то дверь, которую Та-ся не видела в темноте, потом на девочку пахнуло сырым, затхлым воздухом, и её спутник исчез, оставив ее одну среди непроглядного мрака.

Глава XX

М-ле Фифи и т-те Коко. – Друг в тяжелую минуту

Болезненно-жутко сжалось сердечко Таси... Слезы отчаяния готовы были каждую минуту брызнуть из глаз. Господи! Чего бы ни дала она теперь, лишь бы только снова очутиться в пансионском дортуаре, залитом мягким светом фонаря-ночника; чтобы снова увидеть девочек, которые, если и ссорились с ней, но никогда не обижали ее несправедливо, никогда не обращались с ней грубо. А здесь! Этот страшный хозяин, похожий на разбойника; эти злые, мохнатые собаки, готовые разорвать ее по одному его приказанию; эти плутоватые, недобрые дети, брат и сестра, которые с таким недоброжелательством смотрели на нее! Какой дурной и бессердечный мальчик этот Петя! Как он обманул ее, говоря, что столько хорошего ждет ее здесь! А она и поверила! Глупенькая, глупенькая девочка! А теперь... Тася неожиданно опустилась на колени и горько, горько заплакала. – Господи! Спаси меня! Сохрани меня! – шептала девочка, – Господи, помоги мне. Я буду хорошей, Послушной, покорной, только не отворачивай от меня Твоего лица, Господи! Не оставляй меня! Мне так страшно! Так тяжело здесь!

Она горячо молилась. Откуда брались у неё и слова и чув-

ство! Бывало, прежде, дома, няня раз двадцать напоминала своей девочке о молитве и утром и вечером, а она и не думала слушаться ее: перекрестится кое-как, лишь бы отстала от неё нянька, а то и так, без креста, уляжется спать. А в пансионе на общей молитве она, Тася, не раз шумела, смеялась и задевала девочек, за что неоднократно получала замечания старших. Зато теперь её молитва была так чиста и глубока, так полна детской святой веры, что она не могла остаться не услышанной Богом.

Помолившись и перекрестив воздух вокруг себя, Тася в изнеможении упала на холодный пол каморки и задремала чутким, болезненным сном, поминутно вздрагивая и испуская временами тихие, короткие вздохи.

Так прошло часа два или три.

Вдруг какой-то легкий шорох или шелест, вернее, разбудил девочку.

Она протянула руку и тот час же отдернула ее с диким, пронзительным криком. Её рука коснулась чего-то скользкого, гладкого и холодного, что тихо шуршало и свистело во мраке подле неё.

В туже минуту легкая полоса света пробилась под щелью двери. Задвижка щелкнула, и бледнолицый мальчик, который так понравился вечером своим кротким печальным видом Тасе, неожиданно появился с фонарем на пороге.

Каморка осветилась. Тася увидела заплесневевшие от сырости стены и крошечную клетушку с земляным полом, и в

тот же миг новый крик ужаса сорвался с губ девочки. Прямо перед ней на аршин от пола поднялась, извиваясь, большая пестрая змея.

При виде отвратительного пресмыкающегося Тася была уже готова упасть без чувств на пол клетушки, но бледнолицый мальчик поспешил успокоить ее, пояснив торопливо:

– Ради Бога, не бойтесь нашей Фифи: Фифи не жалит. У неё вырваны ядовитые зубы, и потом она ручная, Фифи!

И, в доказательство своих слов, он повернул змею за шею и положил к себе на грудь её глянцевитую и круглую, как шарик, головку.

– Здравствуй, Фифи! Здравствуй, моя красавица! – говорил он, бесстрашно глядя рукой гибкое, извивающееся тело змеи. – А где же Коко? М-ме Коко, где вы? – оглядываясь во все стороны, спрашивал мальчик.

В углу клетушки что-то зашуршало, завозилось, зашумело, и тотчас же маленькая уморительная обезьянка со смешными ужимками и гримасами очутилась на плече мальчика.

– Здравствуй, Кокоша! Милый Кокоша! – и он поцеловал обезьянку в самую середину её гримасничавшей мордочки.

Та самым серьезным образом ответила на его поцелуй, громко и вкусно чмокнув губами. Потом быстро сползла с плеча мальчика, дотянулась до кармана его куртки и, запустив туда лапу, с торжествующей миной извлекла из него небольшой кусок сахара.

Обезьянка была до того смешна со всеми её ужимками,

что Тася не могла не улыбнуться, несмотря на только что перенесенные страхи.

– Правда, она милушка? – заметя улыбку Таси, обратился к ней мальчик, указывая глазами на обезьянку.

– Вы ее очень любите? – поинтересовалась Тася.

– Да кого же мне и любить-то, как не ее? Вот она да Фифи – мои друзья. С ними только и нахожу отдых и спокойствие, – печально заключил он. – Мне тут очень тяжело. Ведь вы знаете, я живу у дяди. Наш хозяин мне дядей приходится. А мне хуже, чем другим, живется. Не может мне дядя моей болезни простить, сердится все, что сил и способностей у меня нет таких, как у Пети. Он любит крепких, здоровых детей, которые ему деньги заработать могут. А я что могу? Чахотка у меня. Я все кашляю. По ночам особенно. Дядя велел мне также акробатом одеться и на голове стоять, так у меня кровь из горла ручьем хлынула. Потом, когда шпаги я глотать стал, опять. Ну, теперь он меня не выпускает перед публикой. Велит лакеем одеваться во время представления и служить во время фокусов на сцене, а дома обед готовить и следить за зверями, кормить их и ухаживать за ними.

– Очень обижают вас? – сочувственно спросила Тася мальчика, который ей нравился все больше и больше с каждой минутой.

– Очень! И дядя бьет, и Петька, и Роза. А что я им сделал? Не виноват же я, что такой слабый и больной. Ах, Господи, хоть бы уж умереть скорее! Право, рад был бы. Коко да Фифи

только и жаль, – произнес он тоскливо.

– Бедненький! – прошептала чуть слышно Тася, готовая заплакать от жалости при виде печального, измученного личика своего нового приятеля. – Ну, теперь они вас не посмеют обидеть. Я за вас заступлюсь, – произнесла она решительно.

– Ну, куда вам, вы сами маленькая! – недоверчиво произнес мальчик.

– Ничего, хватит силы. А как вас зовут? – снова спросила она мальчика.

– Андрюшей. Так меня мама называла. Она тоже у дяди жила сначала и тоже по проволоке ходила, как Петька теперь. И раз сорвалась, упала на иол мимо сетки, и тут же умерла. Бедная мамочка, я ее очень любил! – и крупные слезы блеснули в глубоких тоскливых глазах Андрюши.

«Бедный Андрюша! – подумала Тася, – и он сирота, как и Карлуша. У той папа умер, и она успокоиться не может по нему до сих пор; у этого мама, и он о ней со слезами вспоминает. А у неё, Таси, есть добрая, милая, ласковая мама, и она, Тася, так много горького причинила ей! Сколько горя и печали! Должно быть много, очень много, если добрая мама решила отдать ее так далеко от себя».

И вмиг девочку неудержимо потянуло увидеть свою маму, услышать её милый голос, почувствовать на своем лице её нежный поцелуй. Впервые тяжелое раскаяние сильно и остро захватило маленькую душу Таси, заполнив собой все её

уголки. И тот мальчик, поминутно глухо кашлявший и хватавшийся за грудь, вдруг стал ей дорогим и близким. Их общее горе приблизило его к ней.

– Андрюша! – произнесла она, робко кладя ему руку на плечо, – вам жаль меня, Андрюша?

– Понятно жаль! – кивнул он головой. – Услышал я, как закричали вы, так даже душа ушла в пятки со страху: сразу догадался я, что Фифишка вас напугала, зажег фонарь и прямо сюда. Хорошо, что не видел дядя, а то бы побил за это!

– Какой вы, Андрюша, хороший, если не побоялись дядиного наказания и пришли сюда. Я вам никогда не забуду этого! – с чувством проговорила Тася.

Она подумала, как бы она поступила на месте Андрюши, и тут же созналась, что никогда не пожертвовала бы собой для других. А этот милый Андрюша оказался не таким, как она. Он не побоялся побоев и пришел к ней!

– Знаете, Андрюша, – произнесла она, помолчав с минуту, – будем друзьями. Здесь и мне и вам одинаково тяжело, а вдвоем переносить горе куда лучше. Согласны?

– Еще бы, – живо подтвердил тот. И дети крепко обнялись, как родные.

– Ну, а теперь уходи, уходи отсюда! А то дядя еще проснется, – взволновалась Тася, – теперь я не буду бояться. Ты мне только фонарь оставь.

– Хорошо, – согласился Андрюша, – спи хорошенько, завтра поговорим. А теперь – спокойной ночи.

И он скрылся за дверью.

Тася солгала, сказав, что она не боится. М-ше Фифи, свернувшаяся клубочком у её ног, наводила на девочку нестерпимый ужас. Но пример Андрюши, его самопожертвование задела ее за живое, и она хотела отплатить тем же доброму мальчику.

«Лучше трястись всю ночь от страха из-за соседства со змеей, – решила Тася, – нежели удержать Андрюшу при себе и тем подвергнуть его жестокому наказанию со стороны злого дяди».

Но Тасе не суждено было трястись всю ночь от страха, как ей казалось. Судьба, очевидно, сжалилась над девочкой и, против своего ожидания, она заснула крепким детским сном без всяких сновидений.

Глава XXI

Первый труд. – М-ме Коко. – Неожиданное превращение

– Эй, ты, лежебока! Вставай сию минуту и ставь самовар. Мне надо идти с хозяином повторить к вечеру мои упражнения, а Андрюшка опять болен и не может встать с постели! – говоря это, Роза раскачивала изо всех сил Тасю за плечи.

Та открыла глаза и быстро вскочила с пола, не соображая что с ней и дико озираясь во все стороны.

– Ну, ну, нечего прохлаждаться! – крикнула маленькая плясунья, – иди, когда приказывают, а то будет плохо.

И она толкнула Тасю из её крошечного помещения прямо в грязную, маленькую, полутемную кухню, крикнув ей вдогонку:

– Да не забудь сапоги вычистить мужчинам! Слышишь?

Ставить самовар! Чистить сапоги!.. Думала ли когда-нибудь прежде Тася, что ей придется нести такие тяжелые обязанности. Как далека она была от этих мыслей, когда подставляла, бывало, няне свои маленькие ножки, чтобы старуха обувала ее, взрослую девятилетнюю девочку! И вот как зло судьба посмеялась над ней! Ей самой приходится исполнять тяжелую, непосильную работу. Но делать было нечего. Из соседнего помещения раздавался сердитый голос хозя-

ина, наводивший неподдельный трепет на бедную девочку. Она видела однажды, как в её присутствии ставила самовар няня, и, с трудом перетаскив тяжелую посуду с полки к печке, принялась за дело. Однако, нелегким показалось это дело неумелым маленьким ручонкам Тази! Уголья отсырели и не загорались. Самовар был холоден по-прежнему, а из жилой комнаты избы слышался грозный вопрос хозяина:

– Ну, что же, ты намерена оставить нас без чая, гадкая лентяйка?

Тася была в отчаянии.

В ту самую минуту, когда она, окончательно упав духом, готовилась пойти уже признаться господину Злыбину, что не в силах справиться с работой, дверь в кухню чуть приотворилась, и бледный, как смерть, Андрюша, едва передвигая ноги от слабости, переступил порог.

– Я пришел помочь тебе, – произнес он глухо, с трудом роняя слова с запекшихся от жара губ.

– Но ты упадешь сейчас! На тебе лица нет, – прошептала так же тихо девочка, бросаясь к нему навстречу, чтобы поддержать его.

– Нет, ничего, мне лучше чуточку. Вот я и пришел к тебе. Дай, помогу, – успокаивал он ее и дрожащими руками хлопотал около самовара.

– Ну, теперь готово, неси. А я сапоги почищу за тебя в это время, – также тихо, чтобы не быть услышанным в соседней комнате, произнес через несколько минут добрый мальчик.

Тася молча, благодарно взглянула на него и, с трудом, подняв самовар, потащила его в горницу.

– Ага! Наконец-то, – сердито встретил ее хозяин, и глаза его, устремленные на девочку, насмешливо блеснули. – Что, сообразила, что тут капризами ничего не поделаешь? Смирилась, небось!

И потом, помолчав с минуту, добавил снова:

– Пока я буду с ними (он кивнул на Петьку и Розу) в балагане готовиться к вечернему представлению, чтобы ты у меня и комнату прибрала, и полы вымыла, и обед стотовила. Андрюшка болен, не сегодня – завтра умрет, так чтобы ты у меня живо все это проделала, если не хочешь познакомиться с моей плеткою.

И с этими словами он быстро накинул на плечи порыжевшее от времени пальто, надел на голову старый, помятый цилиндр и в сопровождении детей вышел из избушки. Три собаки поплелись за ними. Они знали, что пришел час их работы.

Едва только дверь захлопнулась за хозяевами и ключ повернулся в замке снаружи (господин Злыбин не забыл запорить Тасю на время своего отсутствия), больной Андрюша позвал к себе девочку.

– Ты есть хочешь? – спросил он.

Тася сейчас только, при напоминании о еде, почувствовала голод. Немудрено. Со вчерашнего обеда в пансионе у неё не было во рту ни росинки.

– Ужасно хочу! – откровенно созналась она.

– Так налей себе чаю и поешь хлеба с колбасой; там на столе все стоит со вчерашнего дня, – сказал он и сам, с трудом двигая ослабевшие ноги, перешел из кухни в горницу.

На столе действительно валялись черствые куски хлеба и заплеснувший кусок копченой колбасы.

Тася, никогда в жизни не евшая ничего подобного, брезгливо морщась, поднесла ко рту то и другое. Несмотря на отвращение к подобного рода закуске голод заставил бедную девочку уничтожить все, что было на столе.

И только когда последний кусок был проглочен ею, она вспомнила, что не поделилась с Андрюшей своим скудным завтраком. Вспомнила и покраснела.

– Как же ты-то будешь! Я все съела, – с сокрушением в голосе произнесла она.

– Не беспокойся! – поторопился утешить ее добрый мальчик, – мне ничего не надо. Я очень страдаю. Грудь у меня так ломит, что и думать не приходится о еде. А ты теперь принимайся за работу. Постой-ка, я налью тебе в ведро воды и отыщу мыло и тряпку. Ты полы вымоешь прежде всего.

Вымыть полы! Ей, Тасе Стогунцевой, мыть полы в этом грязном закоптелом домишке! Она пришла в ужас от этой мысли. Но долго раздумывать ей не было времени. Андрюша с трудом притащил ведро в горницу и показал Тасе, что надо делать. Добрый мальчик очень охотно исполнил бы за нее работу, но едва он опустился на пол, как страшная боль в

пояснице заставила его громко вскрикнуть.

– Нет, не могу! – простонал несчастный ребенок.

Тася бросилась к нему на помощь, помогла подняться и отвела его в крошечную полутемную каморку, где он спал на грязной сырой подстилке из соломы. Но мальчик, казалось, меньше думал о своих страданиях, нежели о делах Таси.

– Как-то ты справишься? – поминутно говорил он в промежутках между приступами мучительного кашля, – как-то удастся тебе приготовить обед и прибраться к приходу хозяйина, бедняжка.

И тут же он подробно объяснил Тасе, как надо жарить картофель и варить молочную похлебку.

Покончив с мытьем полов и уборкой, Тася присела отдохнуть немножко. Ей казалось, что ноги и руки у неё готовы отняться от усталости; все суставы болели, спину ломило, а между тем снова приходилось браться за работу. Теперь ей надо было сготовить обед. Тася, руководствуясь указаниями Андрюши, налила молоко в кастрюлю, положила туда муки и соли и поставила все это на плиту, заранее разведенную заботливыми руками её нового друга. Обжигая себе пальцы и поминутно вскрикивая от боли, девочка справилась кое-как с этой задачей и похлебка была готова через полчаса. Тогда, оставив ее на край плиты, Тася поспешила в комнату – перемыть посуду и приготовить все нужное к обеду.

Накрыв стол и покончив все приготовления к обеду Тася вернулась в кухню и... Вскрикнула от изумления и испу-

га. На плите не было горшка с похлебкой, а с вышины кухонной полки раздавалось какое-то подозрительное чавканье и причмокивание. Тася подняла голову кверху и обомлела. Под самым потолком кухни, свесив ноги с полки и обвив руками горшок с похлебкой, сидел Коко и с аппетитом уничтожал кушанье, поминутно опуская в него ложку. При этом его необычайно смешная обезьянья мордочка расплылась в счастливую и довольную улыбку.

Очевидно кушанье пришлось по вкусу обезьянке.

Но Тася, при виде этой картины, пришла в ужас. Что будет теперь с нею? Как поступит с ней господин Злыбин, когда узнает, что все они по её милости оставлены без обеда? Он наверное безжалостно накажет ее, ни в чем неповинную Тасю! Девочка вся вздрогнула при одной мысли о том, что ее ожидает.

Терять времени было нечего. Надо было во что бы то ни стало заставить Коко отдать горшок с похлебкой.

И Тася, осторожно приблизившись к обезьянке, подставила табурет, влезла на него и протянула руку, стараясь поймать проказницу, Но Коко был не промах и, прижимая к груди свою драгоценную ношу, пересел на другое место и выплеснул мимоходом из горшка добрую половину содержимого. При этом он, как ни в чем не бывало, поглядывал на девочку, строя ей самые милые и уморительные рожицы.

Тася пришла в ужас. Еще один подобный прыжок со стороны проказницы-обезьянки и в горшке не останется ничего.

– Коко, милый, дорогой Коко! – произнесла самым ласковым голосом девочка, – сойди сюда и отдай мне горшочек!

И она для большей убедительности с мольбой сложила руки на груди и смотрела на обезьянку. Обезьянка живо отставила горшок в сторону и, сложив передние лапки, уставилась глазами на Тасю с таким же умоляющим выражением, очевидно, передразнивая девочку. Это было очень забавно, и Тася не могла не улыбнуться проделке проказницы, несмотря на переживаемые ею страхи. Но когда Коко снова принялась за еду, ей уже было не до смеха.

– Противная обезьяна! Отдашь ли ты мне горшок! – гневно вскричала девочка, разом потеряв терпение и, топнув ногой, она погрозила кулаком обезьянке.

Каково же было её негодование, когда злополучная Коко поднял лапу и, уморительно гримасничая, передразнил ее снова.

– Ну, постой же, глупая обезьяна! – совершенно выйдя из себя, вскричала Тася, – я прочу тебя!

И она вскочила на стол, откуда было легче достать Кокошку. Но обезьяна не дремала в свою очередь. Быстрее молнии подняла она обеими руками горшок и, прежде чем Тася успела остановить ее, опрокинув его себе на голову, надела на подобие шляпы. Остатки похлебки потекли белыми ручейками по лапам и мордочке четвероногой проказницы. Забавно гримасничая и пофыркивая, она стала поспешно утираться и охорашиваться, как избалованный капризный ребенок,

снова затем схватилась лапой за горшок и, приподнимая его, как шляпу над головой, стала расшаркиваться перед Тасей с самым уморительным видом.

В ту же минуту ключ звякнул в замке, дверь скрипнула. С замирающим сердцем Тася приготовилась к расправе.

Вошел господин Злыбин и дети. Девочка с ужасом ждала, что они сейчас же потребуют обед и, не получив его, примутся за нее. Но ничего подобного не случилось. Лицо старого фокусника было очень сосредоточенно и серьезно. Очевидно, что-то важное произошло с ним в это утро. Так, по крайней мере, предполагала Тася и не ошиблась.

– Слушай девочка, – проговорил он, едва переступив порог комнаты, – сейчас мы уедем отсюда в большой город. Но в твоём настоящем виде тебе ехать нельзя. Поэтому вот тебе платье: пойди, одень его и возвращайся как можно скорее. Нельзя терять ни минуты времени. Поезд отходит через час.

Сказав это, он бросил в руки Таси небольшой сверток тряпья.

Девочка удалилась с узелком в клетушку и когда вернулась оттуда, то вряд ли кто из знакомых и друзей узнал бы теперь Тасю. Вместо простенького, но изящного платья пансионерки на ней были надеты заплатанные во многих местах панталоны, стоптанные рыжие сапоги и куртка с чужого плеча, рукава которой едва доходили до кистей рук. На голове была мужская фуражка с помятым козырьком. Роза, помогавшая девочке одеваться, хохотала самым искренним обра-

зом при виде забавно жалкой фигуры Таси. Но и Злыбин, кажется, остался вполне доволен своей выдумкой.

– Только волосы выдают. Кудри, как у девочки, – пробурчал он себе под нос, оглядывая всю фигурку Таси пристальным, испытующим взглядом. – Ну, да это легко исправить, – добавил он и, прежде чем Тася могла опомниться, старый фокусник схватил со стола большие ножницы, какими обыкновенно кроят портные, и вмиг от красивых, глянцевиных кудрей девочки не осталось и следа.

Теперь ее вряд ли бы узнали даже самые близкие родные. Тася Стогунцева исчезла бесследно, уступив свое место тоненькому черноглазому мальчику с испуганным личиком и коротко остриженными кудрями.

– Ну, а теперь, – проговорил далеко неласковым тоном господин Злыбин, обращаясь к девочке, – изволь забыть раз навсегда твое имя, фамилию и прочее. Отныне ты мой племянник, брат Андрея, и зовут тебя Толька, Анатолий, понимаешь? А на афише ты будешь называться маленький Тото, фокусник Тото. Слышишь?

– Слышу! – робко проронила Тася.

– И чтобы тебе в голову не пришло жаловаться кому бы то ни было на хозяина или разыскивать родных и друзей! Слышишь? По дороге не смей ни с кем вступать в разговоры! За первое слово, обращенное к чужим, я тебя так отхлещу моей плеткой, что у тебя раз навсегда отпадет охота искать спасения. – И произнеся эту внушительно-суровую речь, госпо-

дин Злыбин захлопотал с отъездом.

Глава XXII
Новая пытка. – Коко в
роли парикмахера. – Побег

НОВОЕ

БЛЕСТЯЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

МАЛОЛЕТНИЙ ТОТО – ДИТЯ
ВОЗДУХА. ЧУДО-РЕБЕНОК.

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ
ЗРЕЛИЩЕ СЕЗОНА!

ВСЕГО ТРИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ!

Странствующая труппа известного европейского фокусника, неподражаемого господина Злыбина.
Плата за вход от 2 руб. до 20 коп.

Так гласила ярко размалеванная пестрыми красками афиша, прибитая к дверям небольшого круглого здания, находившегося в предместье Москвы.

В то время как толпа зевак рассматривала афишу, на которой, помимо заманчивого объявления, были изображены прыгающие через обручи собаки, стреляющая из револьвера обезьянка и человек, глотающий шпаги, внутри круглого здания шла обычная работа.

На земляном полукруглой площадке, где давалось само представление, были воткнуты два шеста, между которыми чуть трепетала протянутая на две сажени от земли проволока. Под проволокой были положены матрацы и густо насыпаны опилки на случай падения жонглирующих акробатов.

Господин Злыбин стоял у одного из столбов, держась за него рукою. Перед ним находилась крошечная робкая фигурка мальчика, с мольбой смотревшего на него своими большими испуганными глазами.

Всего две недели прошло с тех пор, как Тася попала в руки фокусника, а никто бы не узнал в этом притихшем, кротком, измученном ребенке прежнюю непокорную, дерзкую и капризную девочку. Постоянный страх наказания, тяжелая домашняя работа и, наконец, ужасные и головоломные упражнения, которыми полдня занимался с ней хозяин, все это окончательно изменило крутой и тяжелый характер девочки. От прежней Таси осталась одна внешность, да и то сильно, почти до неузнаваемости измененная. Всегда

прежде блестявшие задором глазки девочки теперь приняли грустное выражение; губы, надувавшиеся поминутно на все, что не приходилось по нраву их владелице, научились улыбаться теперь тихой, покорной улыбкой.

Девочка только теперь поняла, как не права она была и дома, и в пансионе, сколько горя причиняла она окружающим, каким она была злым, нехорошим ребенком.

Каждый вечер, ложась в постель или попросту на жесткую лавку, приютившуюся в одной из каморок циркового балагана, Тася горячо молила Бога простить ей её былые грехи и сделать чудо – вернуть ее к её милой мамочке, Лене, няне и всем тем, кто ее так любил и кому она причинила столько огорчений. Даже m-lle Marie казалась ей теперь ангелом доброты в сравнении с жестоким хозяином и злыми Петькой и Розой. Один Андрюша еще скрашивал ей её тяжелое существование своими ласковыми разговорами и утешениями, но Андрюша с каждым днем все делался слабее и слабее и почти не сходил теперь с кровати. И все бы вынесла Тася без ропота и смиренно, как наказание за свой дурной нрав, но одного она вынести была не в силах: она не могла научиться тем фокусам и акробатическим проделкам, которым обучал ее ежедневно хозяин. Она научилась стряпать обед, мыть и убирать посуду, приводить в порядок их балаган, который был известен в квартале под громким именем цирка, но стоять на шесте на высоте двух саженей от земли, или, балансируя руками, скользить по тонкой проволоке, этому долго не

могла выучиться Тася. Многих усилий стоило старому фокуснику заставить девочку выполнить намеченные упражнения. Много синяков и рубцов насчитывалось на тельце Таси, прежде чем она решилась исполнить желание своего мучителя. Но хозяин достиг своего: Тася ходит по проволоке и выкидывает разные акробатические фокусы на шесте. Завтра она выйдет в первый раз перед публикой, в качестве «Чудо-ребенка» или «Дитяти-воздуха», о чем торжественно гласит разноцветная афиша.

Сегодня господин Злыбин требует повторить упражнения несколько раз. А Тася, как нарочно, так устала! Ей хочется забиться в какой-нибудь темный угол и уснуть крепко, крепко. «Ах, если бы можно было отказаться от этих упражнений!» – думает бедная, измученная Тася. Но нет: надо снова взбираться по шесту и проделать все то, что требует её мучитель. И беда, если она не исполнит требуемого. У старого фокусника его плетка с собою...

Сегодня, к счастью, старый фокусник доволен Тасей. Он помог слезть с трапеции робевшей девочке и, погладив по головке, отпустил ее отдыхать.

Тася с облегченным вздохом направилась в свою каморку, находившуюся поблизости арены, с целью соснуть хоть с полчаса времени, как внезапно её внимание было привлечено легким шумом в соседней с её помещением комнате плясуньи Розы.

Этот шум показался подозрительным девочке. С трудом

поднявшись со своего жесткого ложа она прошла туда и, приоткрыв дверь, остановилась на пороге, пораженная странным зрелищем: в углу, на убогой, но чисто прибранной кровати, – благодаря стараниям той же Таси, которая заведовала чистотой и убранством балагана, крепко спала утомленная утренней репетицией, Роза. Но, Боже мой, что случилось с густой черной косой девочки! Она была отрезана до шеи и черные пряди глянцеvито-блестящих локонов валялись на полу около постели. А на комодe, стоявшем тут же, в углу, опрокидывая банки с пудрой и помадой, строя перед зеркалом самые невозможные рожицы, Коко плясал какой-то неведомый танец, потряхивая в воздухе рукой, вооруженной большими портняжными ножницами, теми самыми ножницами, которыми две недели тому назад обстриг старый фокусник Тасю. В одну минуту Тася поняла все. Обезьянка, присутствовавшая при стрижке Тасиных локонов, пожелала проделать то же и с головой Розы и с успехом исполнила свой замысел.

– Роза! Роза! Проснитесь! – закричала не своим голосом Тася. – Она отрезала вам волосы! Она отрезала вам косу! – теребя сонную девочку лепетала она в страхе.

Маленькая плясунья открыла заспанные глаза и, ровно ничего не понимая, вытаращила их на Тасю.

Вдруг взгляд её упал на отрезанную косу, валявшуюся на полу.

Роза вздрогнула, побледнела и крик злобы, ужаса и отча-

нения вылетел из её груди. В ту же минуту глаза её обежали комнату и встретились с недоумевающе мигающими глазками обезьянки. Роза не нуждалась в пояснении. Маленькая преступница была на лицо.

– Постой ты у меня, скверная зверюшка! – в бешенстве вскричала Роза и, схватив валявшуюся на полу палку, она замахнулась ею на Коко...

Пронзительный крик прозвучал коротким звуком в крошечной комнатке, потом бесчувственный Коко, перевернувшись в воздухе, мягко шлепнулся на пол.

– Ага, не нравится! – кричала, не помня себя, рассвирепевшая девочка и снова замахнулась палкой, чтобы вторично ударить несчастного зверька.

– Ради Бога, не троньте его! Вы разве не видите! Ему худо! – вскричала Тася, с трудом удерживая за руку разошедшуюся в своем гневе плясунью.

– Не говори вздора! Эта хитрая обезьяна умеет притворяться, чтобы избежать наказания, – кричала взбешенная Роза и взмахнула палкой.

Но тихий стон, вырвавшийся из грудки маленького зверька, остановил ее вовремя, потом тельце несчастного Коко судорожно востепенулось, глаза широко раскрылись, исполненные мучительного выражения, похожие, как две капли воды, на глаза человека, потом он вздрогнул ещё раз и, вытянувшись во всю свою длину, остался неподвижным посреди комнаты.

– Он умер! – прошептала испуганно Тася.

– Вздор! – возразила Роза и изо всех сил подкинула тело обезьяны ногой в воздух.

Но злополучное маленькое тельце снова неподвижно, как мешок, распростерлось на полу. Тогда наступила очередь Розы придти в ужас. Девочка вздрогнула всем телом. Бледная, как смерть, она металась по комнате и, хватаясь за голову, стонала: – Она убита! Она убита! Что делать? Что делать? Хозяин дал большие деньги за Коко! Эта обезьянка редкой породы! Он прибьет теперь меня за нее до смерти! А это все ты – неожиданно накинулась она на Тасю, – пришла бы ты вовремя, и мои волосы были бы целы и Коко остался бы жив! Все ты, гадкая, скверная лентяйка! Небось, спала себе сладким сном и нимало не заботилась о нас...: Ну, так и отвечай сама! Слышишь? Ты убила Коко, а не я! Так и скажу хозяину, когда он кончит заниматься с собаками. Пусть он разделается с тобой хорошенько! Ты стоишь этого, дрянная, гадкая лентяйка. Не сумела усмотреть за обезьяной и пеняй на себя за это. Ты ее убила! Ты ударила ее палкой, а я ничего не знаю! Я в это время спала! Да, да, спала! Так и скажу хозяину и пусть он бьет тебя сколько угодно... Пусть! Пусть! Пусть!

И с этими словами Роза выбежала из комнаты злая, возбужденная и взволнованная, оставив Тасю наедине с мертвым Коко.

Глава XXIII

Побег

Роза ушла, а Тася осталась перепуганная на смерть словами злой девочки. Она знала, что маленькая плясунья сдержит свое обещание и оклеветает ее, Тасю, нагав на нее. Знала и то, что от господина Злыбина нечего было ждать пощады. За потерю Коко он до смерти забудет ее, Тасю.

Дрожь пробежала по телу девочки. О! Она не вынесет побоев; у неё от них и то все тело ноет и болит, как разбитое. Она вся в синяках и рубцах от следов плетки, и новые колотушки и удары доконают ее. А ей, Тасе, так хочется жить, она еще такая маленькая, так мало видела жизни, ей так хочется повидать дорогую маму, сестру, брата, милую няню, всех, всех, всех. Она не вынесет нового наказания! Нет, нет, она не вынесет его и умрет, как умер Коко от удара Розы.

Надо избежать этого наказания, ей надо уйти во что бы то ни стало из цирка. Сейчас! Сию минуту, пока Роза не успела еще пожаловаться хозяину и еще не хватились Таси. Сейчас все так заняты своим делом, что её не заметят, пожалуй. Собаки повторяют свои штуки на арене, Петька и господин Злыбин с ними, Роза пошла туда же... Самый удобный для бегства момент. Только Андриюшу жалко. Жаль уйти, не проотившись с больным мальчиком, который был так добр к ней,

Тасе... Но она всей душой благодарна Андрюше, а уйдет, не повидав его... Нельзя медлить ни минуты!

– Нельзя медлить ни минуты! – еще раз повторила Тася и, бросив прощальный взгляд на мертвое тельце обезьянки, которая так часто потешала ее своими ужимками и огорчала проказами, быстро проскользнула к выходу, как была, в своем легком костюмчике мальчика, позабыв даже надеть свой старенький картуз.

Был холодный декабрьский вечер. На городских часах пробило шесть, но зимой дни темны и коротки, и неудивительно, что на дворе стояла настоящая ночь. Холодный ветер пронизывал насквозь одежду Таси. Дрожь озноба начинала трясти девочку, но, не обращая внимания на холод и стужу, она бежала, подпрыгивая на ходу, все прибавляя и прибавляя шагу.

Балаган, отданный в распоряжение труппе фокусника, стоял почти на конце квартала, и за ним сразу начинался большой старый парк, примыкавший к городу. Летом должно было быть чудно хорошо в этом парке, но теперь огромные сугробы снега сплошь покрыли его аллеи и дорожки. Деревья стояли совсем серебряные от инея, а над всей этой белой полосой темнело темное зимнее небо, осыпанное миллиардами звезд.

Девочка смотрела на звездное небо, на белые сугробы и шла все тише и тише. Силы оставляли ее. Озноб делался сильнее. Мысли вязались с трудом в утомленной головке Та-

си. Странная ломота охватывала все тело.

«Я, кажется, больна! – подумала она. – Уж не вернуться ли назад!» – мелькнула нерешительная мысль в голове девочки, но она тот час же с ужасом отклонила ее.

– Нет! Нет! Ни за что! Там ждут побои и муки, а здесь, кто знает, может быть, я встречу кого-нибудь, кто укажет мне дорогу на вокзал. Упрошу посадить меня в поезд и довезти до нашего города, где пансион. А оттуда к маме! К милой, дорогой маме, чтобы уж никогда не разлучаться с ней, никогда не огорчать ее дурными, злыми выходками... Никогда! Ты слышишь, Господи! – прошептали посиневшие от холода губы девочки, и она подняла исполненный мольбы взор к небу.

И вдруг ноги её подогнулись, она вся пошатнулась и, обесиленная усталостью и волнением, опустилась в мягкий сугроб снега. Глаза её тотчас же закрылись, скованные дремотой, и она сразу уснула болезненным, чутким сном...

Сладкий сон приснился Тасе. Точно она идет по саду в их чудном «Райском» и никого не находит там – ни мамы, ни Марьи Васильевны, ни няни с Леной.

– Где наши? – спрашивает она мальчишку-садовника, попавшегося ей на дороге. – Где наши, Васютка?

– А разве вы не знаете, барышня: мамаша вас поехали разыскивать, – отвечал тот, – страх как напужались они! Из пансиона вам прислали сказать, что будто вы пропали... А вот и барышня и нянюшка идут.

– Леночка! Нянечка! – кричат Тася и бросается к ним. Поцелуи... Объятья... Смех и слезы.

– А мама, мама где же? – рыдая, спрашивает Тася Леночку.

– Мама? Да ведь она тебя ищет. Только она вернется скоро, я чувствую, – лепечет Тасе её милая старшая сестренка. – Да вот она, разве ты не видишь?

Тася смотрит вперед и видит: к ней бежит мама по дорожке цветника, счастливая, радостная, взволнованная.

– Мама! – кричит Тася, – милая, родная, я исправилась, я другая стала теперь, – и падает на грудь мамы, охватившей ее своими нежными руками.

Но это был только сон, и Тася проснулась.

Глава XXIV

Тяжелое пробуждение. – Заступник Андрюша

– Так вот вы где изволили схорониться! – слышит Тася сквозь сон грубый, к несчастью, слишком хорошо знакомый голос, и кто-то больно держит ее за руку.

Она с трудом открывает отяжелевшие веки и вся замирает от ужаса. Перед ней господин Злыбин, Петька и три собаки, сумевшие чутьем напасть на её след и разыскать ее.

Тася тихо вскрикнула и сложила с мольбой руки.

– Не бейте меня, не бейте! – простонала она.

– Ну, об этом мы поговорим дома! – грубо оборвал ее хозяин, – а теперь, без разговоров, марш вперед! Живо!

Девочка попробовала подняться, но тотчас, обессиленная, снова опустилась в сугроб.

– Я не в силах идти! – прошептала она чуть слышно.

– Ну, коли идти не можешь – отнесем тебя. А только не думай у меня прикидываться больной! Я отлично понимаю все твои хитрости. Ты мне Коко извела, убытку принесла сколько, разыскивать себя заставила да еще хочется пустяками отделаться! Ну, нет, голубушка моя, я тебя научу, как моих зверей травить да тревогу подымать! Петька, бери принцессу-недотрогу на руки и тащи домой. Погуляла голубушка

вволю!

И он со злым смехом передал полубесчувственную Тасю следовавшему за ними Петьке.

Голова девочки по-прежнему ныла, и точно железные молоты ударили по ней. Все тело ломило, и она едва сознавала действительность. И только когда свет и тепло охватили ее, Тася впервые вполне сознательно поняла, где она находилась.

Она и её мучители были уже дома. Петька внес её в жилое помещение, находившееся при цирке, где они поселились на время их приезда в большой город, и тяжело, как вязанку дров, бросил её на пол. В тот же миг перед ней мелькнуло искаженное гневом лицо хозяина. Плетка со свистом взвилась над ней... Тася в ужасе закрыла лицо руками.

– Остановитесь! Что вы делаете! Девочка еле дышит! Она совсем больна! – послышался задыхающийся голос Андрюши и он бросился на помощь к Тасе и вырвал ее из рук рассвирепевшего дяди.

Что было дальше – девочка не помнила. Перенесенные волнения, колючие боли во всем теле и сильная лихорадка сделали свое дело, и она впала в какое-то не то болезненное забытье, не то в тяжелый сон, полный ужасов и кошмаров...

Старый фокусник бросился было за Андрюшей, намереваясь вырвать из его рук девочку, но тот строго взглянул на дядю и сказал ему недетски серьезным голосом:

– Если вы тронете хоть пальцем этого ребенка, я пойду

жаловаться в полицию. Лучше оставьте нас в покое. Не забудьте, что завтра она должна выходить перед публикой. Ей нужен сон и продолжительный отдых. Ведь вам же будет худо, если маленький Тото не понравится зрителям.

– Ты прав! – произнес сурово господин Злыбин, – я её не трону сегодня, но я ей не прощу: завтра... Завтра после представления, клянусь, дрянная девчонка узнает, что значит приносить убыток своему хозяину и убегать от него.

И он погрозил своей плеткой.

Глава XXV

Неожиданная встреча. – Среди друзей

Несмотря на то, что с вечера добрый Андрюша уложил Тасю, завернул ее во все, что было теплого под рукой, и напоил горячим чаем, девочка проснулась со страшной ломотой во всех членах и с каким-то тяжелым туманом в голове.

– Как я буду выходить перед публикой сегодня! – было первой её мыслью.

– Бог даст, отлежишься! – успокаивал Тасю добрый Андрюша, – до вечера еще много времени. Я попрошу дядю, чтобы он оставил тебя в покое. Роза уберет балаган и приготовит обед.

И смелый мальчик отправился отыскивать дядю.

Господин Злыбин закричал на племянника, что он суется не в свое дело, что Тася лентяйка и притворщица и что он сумеет поднять её своей плеткой, но Андрюша благоразумно напомнил ему, что если Тото не выздоровеет к вечеру, представление придется отменить, а это не должно быть приятно для него – дяди.

Тогда старый фокусник сердито махнул рукой, и Тася могла оставаться вплоть до представления на своей жесткой кровати. Никто не трогал её. Около девочки сидел Андрюша

и рассказывал ей о своей матери, о том счастливом времени, когда она жила вместе с ним. Тася оживилась, повеселела и сама начала поверять своему другу свое счастливое детство, когда росла под крылышком своей мамы, и призналась ему, как ей хочется снова вернуться к ней. Не скрыла она от Андрюши и того, что пришлось пережить всем домашним из-за её тяжелого нрава, и как раскаивается она теперь в том, и как мечтает снова попасть в прежнюю счастливую обстановку.

– А ты молись Богу хорошенько. Он, Милосердный, услышит тебя. Он всегда детские молитвы слышит! – серьезно и уверенно говорил Андрюша. – Когда мне очень худо бывает, я молиться начну и мне полегчает как будто!

– Я буду молиться, – прошептала Тася.

Незаметно прошло в таких разговорах время и наступил вечер.

– Ну, теперь тебе одеваться пора, я пойду, – сказал Андрюша. – Слава Богу, тебе лучше как будто.

– Уже пора! – протянула Тася печально.

Она совсем позабыла и про вечернее представление, и про грозного господина Злыбина, и про свое сегодняшнее появление перед публикой; даже про свою болезнь забыла Тася – так ей хорошо и отраднo было поговорить с Андрюшей о доме. Но делать было нечего.

Вошла Роза и сердито швырнула ей красивый, вышитый блестками, атласный костюм и длинные розовые чулки и фу-файку телесного цвета, которые называются трико, и в кото-

рых акробаты проделывают свои головокружные фокусы.

– Одевайся, живо! Не мямли! Публика собралась! – крикнула она и снова вышла, сердито хлопнув дверью.

Тася с трудом поднялась с постели и начала одеваться. Боль во всем теле, утихшая было на время, пока она лежала, возобновилась снова с удвоенной силой. С большим напряжением надела Тася короткие, обтяжные панталончики и туфли, приладила шапочку на своих стриженных кудрях и вышла в темный проход, ведущий на сцену.

Тут она остановилась и, придерживаясь руками за занавес, отделяющий сцену от жилого помещения балагана, заглянула в щель. В цирке набралось уже довольно много публики. Слышался сдержанный гул голосов, детский смех, возгласы взрослых.

Но вот зазвонил колокольчик, все разом стихло, и на круг выбежала нарядная, разом похорошевшая от своего красивого костюма, обшитого блестками и галунами, Роза. Она была одета испанкой и должна была плясать испанский танец, полный грации и живости. За спиной девочки болтались привязные фальшивые косы, заменившие ей её настоящие кудри, срезанные Коко.

Роза легко и свободно раскланялась с публикой и начала танец под звуки музыки помещенного на хорах оркестра.

Публике, должно быть, понравилась красивая, веселая девочка, с легкостью бабочки летавшая по сцене, и ей шумно и много аплодировали.

За Розой вышли господин Злыбин и Петька, оба одетые в акробатические костюмы. Старый фокусник подбрасывал и снова ловил молодого, ставил его себе на голову и ходил по арене.

Потом, на привешенной под самым потолком трапеции, Петька стал проделывать такие трудные штуки, что у Таси даже дух захватывало смотреть на него.

И публика снова хлопала в ладоши и неистово кричала:
– Браво, король воздуха! Браво!

А Петька широко улыбался и посылал направо и налево воздушные поцелуи, стоя на своей трапеции так же твердо и спокойно, как на гладком полу.

После его номера снова вышел господин Злыбин с Фифи, обвившей его шею своим гибким, извилистым телом.

Появление змеи вызвало легкий переполох среди публики. Никто не знал, что у неё вырваны ядовитые зубы, и что змея не может причинить вреда.

Фифи заползала под куртку своего господина, терлась головкой об его щеки, стреляла из пистолета, ударяя по курку своим сильным хвостом, и наконец танцевала, то есть делала мерные круги на арене под музыку оркестра.

После зрелища дрессированных собак, проделавших с особенным мастерством все свои штучки, старый фокусник подошел к Тасе и, грубо толкнув ее, крикнул:

– Ну, чего заснула? Твоя очередь! Марш!

И Тася очутилась на сцене.

В первую минуту яркое освещение циркового балагана ослепило ее. Она остановилась в нерешительности посреди сцены, точно не зная, что предпринять.

До её ушей долетали сочувственные голоса из публики:

– О, какой хорошенький мальчик!

– Совсем, совсем малютка!

– Но как он бледен, бедняжка!

Тася была действительно очень бледна. Ломота во всем теле и легкое головокружение давали себя чувствовать. Несмотря на это, она храбро двинулась к шесту и стала карабкаться вверх к проволоке.

Вот она уже у цели. Вот музыка перешла в нежные, мелодичные аккорды – и Тася, под эти чарующие звуки, достигла крошечной площадки, с которой ей надо будет пуститься в опасное путешествие по проволоке. Сердце её забилось сильно, сильно... Дыхание замерло в груди. Голова закружилась сильнее. Отчаянный страх охватил девочку.

Она чувствовала, что не может сделать ни шагу, потому что страшная боль во всех членах совершенно лишает ее сил.

– Что ж ты стала? Иди же! – доносится до неё из-за занавеси свирепый голос хозяина, и она видит его перекошенное от гнева и бессильной ярости лицо.

«Он прибьет меня до смерти! – мысленно произнесла с тоской девочка, – но что же делать, если я не могу двинуться, ни за что!»

В отчаянии Тася обвела цирк глазами. И вдруг легкий

крик неожиданно сорвался с её губ. Что это? Или она ошиблась? В ближайшей ложе сидят Тарочка и Митюша Раевы... или очень похожие на них мальчик и девочка... Нет, нет, это они, они сами. Тася теперь ясно видит их лица, видит m-lle Lise... Да, да, это они! Нет никакого сомнения. Вот они смотрят на нее в упор. Ну, конечно, они! Эти большие, серые, выпуклые глаза, – фигурка Тарочки... Да она, Тася, из сотни девочек узнает свою прежнюю подружку. А вон и мама их выглянула из глубины ложи. Ну конечно, конечно, они!

И Тася, уже не отрываясь, глядит на знакомые лица, а те в свою очередь не отрывают от неё глаз.

– Что ж ты ждешь? Иди же, тебе приказывают, – неистовствует за занавеской хозяйин и незаметно для публики показывает Тасе кулак.

Девочка вздрагивает всем телом, делает шаг вперед и вдруг разом останавливается, пораженная мыслью: «Ведь спасение близко! Здесь!» Она должна попробовать спастись во чтобы то ни стало, сию же минуту. Или сейчас спастись, или будет поздно и она не вырвется отсюда никогда, никогда!

И прежде, чем кто-либо ожидал этого, Тася смело повернулась в сторону своих друзей и крикнула на весь цирк, громко:

– Тарочка! Митюша! Возьмите меня из цирка! Спасите меня! Я – Тася Стогунцева! Спасите меня!

И странно взмахнув руками, скользнула с проволоки и растянутую под ней сетку.

– Что с мальчиком? Ему дурно! Помогите! – кричала переполошившаяся публика.

Многие повскакали со своих мест и кинулись на арену.

– Это она! Это Тася! – кричала, рыдая от неожиданной радости и нервного возбуждения, Тарочка. – Мама! Милая! К ней, к ней, скорее!

И она рвалась изо всех сил на круг, где лежала в сетке бесчувственная Тася.

Но Екатерину Александровну Раеву не для чего было торопить и уговаривать. Она первая бросилась на сцену, подбежала к сетке и заглянула в лицо распростертого в ней маленького акробата.

– Вы ошибаетесь, сударыня, очевидно принимая маленького Тото за кого-то другого! – послышался за ней чей-то голос.

И, обернувшись, госпожа Раева увидела хозяина цирка.

– Ложь! – вскричала молодая женщина, – вы лжете, сударь! Это вовсе не Тото... Вы слышали, господа, что крикнул этот ребенок? – обратилась госпожа Раева к публике, – она назвала свое имя, просила спасти ее. Я хорошо знаю эту девочку! Её несчастная мать разыскивает ее! Я ее отвезу к матери сию минуту.

– Да! Да! Возьмем ее, мама! Возьмем скорее отсюда! – взволнованные и потрясенные говорили сквозь слезы Тарочка и Митюша.

– Но я не могу отпустить мальчика, он мне доверен род-

ными! – горячился в свою очередь старый фокусник. – Вот, дети, докажите, что он мой родственник и что его зовут Анатолий Злыбин.

И он указал на вошедших на арену Розу и Петьку.

– Да, его зовут Тото. Он родственник хозяина, – эхом отозвались брат с сестрою.

– Но мы слышали, как она крикнула, – утверждала госпожа Раева, – эта девочка молила о спасении.

– Вы ошиблись, сударыня! – произнес снова хозяин маленькой труппы, – и самое лучшее, если вы оставите мальчика, которому нужен покой!

И своими сильными мускулистыми руками он поднял, как перышко, бесчувственную Тасю и понес ее во внутреннее помещение балагана.

Публика, видя, что произошла какая-то ошибка, стала расходиться. Госпожа Раева с тоской схватилась за голову, не зная, что предпринять. Её дети плакали.

И вдруг высокий, худой, бледный и взволнованный мальчик появился на арене, ступая нетвердыми, неуверенными шагами.

– Он ошибся! – вскричал мальчик, указывая пальцем на старого фокусника, – мой дядя ошибся. Это действительно девочка Тася, которая добровольно пришла к нам в труппу две недели тому назад. Она больна и ужасно было бы оставить ее в цирке... Берите ее и отдайте матери! Дядя, сейчас же возвратите девочку её друзьям!

Голос больного юноши зазвучал непривычными ему сильными нотами. Глаза горели решительностью. Он смело взял Тасю из рук дяди и бережно передал ее госпоже Раевой.

Потом слабой походкой тяжелобольного снова поплелся в свою каморку.

Глава XXVI

Сюрприз

– Куда эти свечи вешать, мамочка?

– А эти пряники?

– На самую верхушку я бы прилепила звезду!

– А я бы ангела!

– Ну, хорошо, пусть ангела!

– Но тебе больше нравится звезду?

– Мне нравится то, что нравится другим.

– Какая ты стала прелестная, Тася... Такой ли ты была прежде!

– О, я много пережила лишений и горя, Тарочка, много работала над собой, много молилась Богу. И Господь помог мне исправиться.

– А мне как будто даже не верится, что ты опять с нами, – произнес Митюша, – опять здорова и украшаешь елку, когда так сильно была больна эти три недели. Ах, если бы ты поправилась скорее! Мне очень было бы жаль расстаться теперь с тобой, но ты верно хочешь уехать от нас, чтобы видеть твою маму?

– Очень, – просто отвечала Тася, подвязывая к зеленой веточке румяное райское яблоко.

– Ну, а если доктор запретит тебе ехать слишком рано? –

полюбопытствовала Тарочка.

– Что ж делать! Надо покориться. Все, что ни делает Господь, надо принимать с благодарностью. Он дал мне так много счастья, чудесным образом послав вас на моем пути. Ведь вы сами говорите, что случайно были тогда в цирке, – обратилась Тася к детям Раевым.

– Да! Да! – оживленно подхватил Митюша, – мы были проездом в Москве и вдруг... Ах, Тася, как все это случилось неожиданно и странно! – всплеснул он руками.

– А ты знаешь, – вставила свое слово Тарочка, – сегодня должен придти ответ от твоей мамы: наша мама послала ей длинное письмо, где написала все подробно о твоей болезни и поправке. Мама боялась писать раньше, пока ты так была больна, чтобы не растревожить твою маму. Она только телеграфировала ей, что напала на твой след, что скоро отыщет тебя, и что ты в безопасности. Но на телеграмму ответа не было. Верно твоя мама искала тебя и отсутствовала дома.

– Ах, мама, мама! – с тоской прошептала Тася, – если б она простила меня!

Тарочка с Митюшей молча переглянулись с чуть заметной улыбкой. Они, очевидно, знали все, что тщательно скрывалось от Таси.

Был канун Рождества. На дворе стоял трескучий мороз, а в доме Раевых было тепло, светло и уютно. Дети весело болтали, украшая огромную елку, от которой шел такой чудный смолистый запах.

Тарочка и Митюша были особенно счастливы сегодня, что их друг Тася встала наконец с постели, где пролежала три недели в тифозной горячке. Последствия ночного бегства и душевного волнения отразились на подточенном организме Таси. Она была на волосок от смерти. Но тщательный уход, а главное сильная, крепкая натура девочки смогла вынести тяжелую болезнь, и Тася воскресла.

Но это была далеко не прежняя Тася. С трогательной покорностью принимала она самые гадкие и невкусные микстуры, беспрекословно повиновалась каждому приказанию, ласково и дружески обращалась с детьми Раевыми, уступая им во всем, и горячо молилась утром и вечером. Госпожа Раева, её муж и m-lle Lise, дети и прислуга не могли нахвалиться милой, кроткой, послушной девочкой.

– Если моя Тарочка будет хоть отчасти похожа на Тасю, я буду самая счастливая мать, – говорила мужу Екатерина Александровна, и тот соглашался с ней.

Дети закончили украшать елку и теперь любовались ею.

– Ну-с, кончили дело и марш! Дайте нам приготовить вам подарки! – весело скомандовала госпожа Раева и шутливо выпроводила детей за двери.

– Как ты думаешь, что мне подарит мама? – спросил Митюша, обращаясь к сестре, когда они остались одни.

– Краски. Я видела, как прислали большой ящик из города, – отвечала, не задумываясь, та, – тебе краски, мне куклу, а Тасе...

Тася подняла на своего друга задумчивый взгляд.

– О, мне ничего не надо, – поторопилась сказать она. – Ваша мама так много сделала для меня, отняв у старого фокусника и выйдив во время болезни... Мне ничего не надо больше, я и так благодарна ей от всей души.

– Как не надо? – лукаво прищурилась Тарочка, – у тебя нет разве никаких желаний?

– Ах, есть! – мяло краснея, воскликнула Тася, – у меня есть большое, сильное желание! Я хочу видеть маму, и это желание скоро исполнится, даст Бог!

– Конечно! – улыбнулась Тарочка, – ты скоро поедешь к маме.

В эту минуту из комнаты, где стояла елка, послышались мелодичные звуки рояля. Это m-lle Lise играла рояле рождественский гимн. В ту же минуту Екатерина Александровна широко распахнула дверь залы.

Елка сияла всеми своими огнями, а под елкой стояла высокая худенькая дама и протягивала руки навстречу детям.

– Мама! – не своим голосом крикнула Тася и, в два прыжка перебежав комнату, с рыданием упала на грудь госпожи Стогунцевой.

– Тася! Тася! Детка моя! Сокровище мое, – шептала Нина Владимировна, задыхаясь от счастья и покрывая лицо, шею и ручонки дочери поцелуями и слезами.

– Мамуся моя! Радость! Солнышко! Прости! Прости меня, мамочка, злую, гадкую! – прорыдала Тася, обвивая шею

матери исхудалыми руками.

– Девочка моя родная! Да разве я могу сердиться на тебя! Ни минутки не сердилась на тебя твоя мама, ни когда из дома пришлось отдать в пансион, ни когда о побеге твоём узнала! Тасечка, жизнь моя! Ведь у меня самой кровью сердце обливалось, когда я, для твоего исправления, отдала тебя из дома. А ты, верно, упрекала маму?

– Я злая была, мамочка! – и Тася снова залилась счастливыми слезами.

– А что Леночка, няня, Павлик, m-lle Marie? – спрашивала Тася.

– Все, все ждут тебя, моя дорогая. Все они любят тебя, моя Тася. Павлик на Рождество, должно быть, уже приехал из корпуса...

– Как, «должно быть»? Разве ты не видела его, мамочка?

– Не видела, родная! Ведь я уже три недели здесь, только доктор не велел показываться, чтобы не волновать тебя, мою девочку. Я и сидела в своем уголке и только во время твоего сна на тебя любовалась.

– Мамочка! – могла только прошептать Тася и крепко прижалась к груди матери.

Эго был счастливый вечер, лучший сочельник, какой пришлось пережить Нине Владимировне и Тасе.

Они просидели весь вечер, тесно прижавшись друг к другу. Одна – думая о том, как счастлива она теперь подле мамы, другая – как милосерден Господь, что вернул ей её ми-

люю, обновленную дочурку.

Вдруг под самый конец вечера на красивое личико Та-си, принявшее теперь кроткое, светлое выражение, набежа-ло легкое, но очень заметное облачко грусти.

– Что с тобой, моя радость? – заботливо спросила, наклоняясь к дочери, Стогунцева.

– Ах, мама, я так счастлива, что хотела бы видеть счастливыми и других! У моего бывшего хозяина-акробата есть племянник – Андрюша; он такой больной и жалкий. Ему худо у дяди... О, если б его поместить в другое место! Он такой добрый и хороший!

– Твое желание уже угадано, деточка, – произнесла, сияя вся счастливой улыбкой, Нина Владимировна, – больной Андрюша, по настоянию Екатерины Александровны, взят от дяди и помещен пока в больницу, где за мальчиком установлен хороший уход. А как только он выздоровеет, я возьму его к себе в Райское. Он будет славным другом для Павлика.

– Ах, мама! – радостно вскричала Тася, – какая ты добрая!

– Ну, а еще нет ли у тебя иной заботы, моя крошечка? – лаская девочку, спросила Нина Владимировна.

– Есть! – чуть слышно проронила Тася, и легкая краска залила её бледные щеки, – я хочу попросить прощения у всех, кого обижала в пансионе, и хочу показать им, что прежней злой задиры и капризницы Таси нет больше, а...

– А есть милая, чудная, добрая девочка, – продолжала Нина Владимировна слова своей дочурки, и мать и дочь крепко

обнялись снова.

– Мы поедем туда, как только ты поправишься, – пообещала госпожа Стогунцева Тасе.

Тася взглянула на мать сияющими благодарностью глазами.

На другой день, горячо поблагодарив своих спасителей, Нина Владимировна и Тася уехали в Райское.

Вместо заключения

Судьба как-то недавно забросила меня в Райское, и я провела целое лето в семье Стогунцевых. Это прелестная, дружная, симпатичная семья. Умная, добрая Нина Владимировна и её милые дети произвели на меня глубокое впечатление. Но больше всех меня очаровала Тася. Это была прелестная девочка, самоотверженная, готовая отдать себя на служение другим, с кротким нравом и чуткой душой.

– Вы очень счастливая мать! – позавидовала я как-то Нине Владимировне, – вы должны быть благодарны судьбе, что у вас такие прелестные дети.

– О, да! – улыбнулась она своей кроткой улыбкой.

– Ваша Тася – совсем исключительный, редкий ребенок.

– А знаете, что ее сделало такую? Тася была еще очень недавно упрямой, злой, шаловливой девочкой, а теперь, сами видите, что вышло из неё.

И Нина Владимировна рассказала мне все, что перенесла её маленькая, сначала непослушная и дурная, а потом в конце исправившаяся милая дочурка, сообщила мне ту самую историю, которую я рассказала вам, мои маленькие дорогие читателя.